
Кира Роуз
Развод.
Ты подставил нашего
сына ради любовницы

Кира Роуз

Развод. Ты подставил нашего сына ради любовницы

https://litres.ru/74741183

Аннотация

— Полина беременна. Я не буду рисковать тем, что её закроют. У Кости есть ты, есть я, есть дом, деньги и фамилия. У этого ребёнка пока никого. — У него есть отец, который решил расплатиться старшим сыном! --- кричу я в лицо мужу.

Мой идеальный, влиятельный муж всё просчитал. Его любовница устроила страшную аварию, в которой пострадал человек. И чтобы спасти её от тюрьмы, Олег решил посадить... нашего несовершеннолетнего сына.

Он купил свидетелей, подготовил прессу и уверен, что я проглочу это предательство ради статуса и денег. Но он забыл главное: ради своего ребёнка мать способна на все!

В тексте есть: #измена_мужа #властный_мерзавец #сильная_героиня #борьба_за_ребенка #развод #ХЭ

НОВИНКА! МУЖ ТАЙНО ПОВЕСИЛ НА МЕНЯ КРЕДИТ СВОЕЙ ЛЮБОВНИЦЫ. ОТОМЩУ!

Содержание

Глава 1. За рулём был ваш сын 4
Глава 2. Она тоже говорит, что это ты 12
Глава 3. Кого легче спасти 19
Глава 4. Я не обещаю спасти вашего сына 26
Глава 5. Карты памяти нет 34
Глава 6. Ты сильнее неё 40
Глава 7. Полина была за рулём 46
Глава 8. Свидетель 52
Глава 9. Олег слышал аварию 58
Глава 10. Наш сын совершил ошибку 64
Глава 11. Это был наш день 71
Глава 12. Костенька выдержит 78
Глава 13. Очень выгодный контракт 85
Глава 14. Я тебя не брошу 92
Глава 15. За рулём был я 99
Глава 16. Зачем ты это сделал? 106
Конец ознакомительного фрагмента. 107

Глава 1. За рулём был ваш сын

— Ваш сын попал в аварию. Машина зарегистрирована на Олега Викторовича Корнеева. Константин жив, его доставили к нам.

Женщина говорит ещё что-то — название больницы, приёмное отделение, документы, — но я уже хватаю пальто с вешалки. Оно цепляется рукавом за крючок. Я дёргаю сильнее и едва не роняю телефон.

— Что значит «жив»? — спрашиваю я. — Он в сознании? Он может говорить?

— Сейчас пациента осматривают. Пожалуйста, приезжайте как можно скорее.

В кабинете за стеклянной перегородкой оборачивается бухгалтер. Я показываю ей на телефон и беззвучно произношу: «Костя». Она вскакивает, но я уже выхожу в коридор. До лифта всего десять шагов, а кнопка никак не загорается под пальцем. Приходится нажать ещё раз, осторожнее. Только тогда понимаю, что первая попытка пришлась в стену рядом.

Олег не отвечает.

Я звоню снова, спускаясь по лестнице, потому что ждать лифт не могу. На втором пролёте муж наконец берёт трубку.

— Я в больнице, — говорит он вместо приветствия. Голос ровный, рабочий, такой же, каким Олег сообщает о сорван-

ной поставке или пожаре на складе. — Костя жив. Сотрясение, ушибы. Я занимаюсь всем остальным.

— Каким остальным? Что произошло?

— Даша, садись в такси. Не гони сама. Я встречу тебя у приёмного.

Он отключается прежде, чем я успеваю спросить, почему Костя оказался в его машине и кто был с ним. Обычно эта способность мужа мгновенно отрезать панику меня успокаивает. Если Олег сказал, что занимается, значит через десять минут у нужного врача появится нужный специалист, документы найдутся, а проблема перестанет быть бесформенной и страшной.

Сегодня мне от этого голоса хуже.

На улице льёт холодный мартовский дождь. Водитель такси дважды просит повторить адрес, а потом пытается расспрашивать, к кому я еду. Я отвечаю односложно и смотрю на карту в телефоне. Красная линия стоит почти неподвижно. На перекрёстке впереди мигают синие огни, и я каждый раз принимаю их отражение в мокром стекле за новую аварию.

Олег ждёт под козырьком приёмного отделения. На нём та же белая рубашка, в которой он утром ушёл на работу, только ворот расстёгнут, а на правом манжете бурое пятно. Я выскакиваю из машины, не дождавшись сдачи.

— Это кровь Кости?

— Не знаю. — Олег берёт меня за локоть, разворачивает

к дверям. — Его сразу увезли на обследование. Врач сказал, угрозы жизни нет.

— Где авария? Почему Костя был в твоей машине? Ты же обещал его забрать после занятий.

У автоматических дверей нас встречает мужчина в форме. Молодой, промокший, с папкой, которую он прикрывает от дождя ладонью. Олег отпускает мой локоть и мгновенно становится собраннее.

— Дарья Андреевна? Старший лейтенант Громов. Мне нужно задать несколько вопросов о вашем сыне.

— Потом, — отвечает за меня Олег. — Сначала она его увидит.

Полицейский хмурится, но спорить не успевает. Я сама останавливаюсь между ними.

— Что случилось с другим человеком? — спрашиваю я. — В больнице сказали только о Косте.

Громов коротко смотрит на мужа. Это движение длится секунду, однако я успеваю заметить: они уже разговаривали. Пока я ехала, Олег успел дать объяснения, встретиться с врачами и снова выстроить вокруг нас тот порядок, в котором каждому отведено место.

— Столкнулись два автомобиля, — осторожно произносит полицейский. — Водитель второй машины в тяжёлом состоянии. Его оперируют.

— А наш водитель?

Мужчина переводит взгляд на меня.

— По имеющимся сведениям, за рулём находился ваш сын.

Из приёмного тянет антисептиком и мокрой одеждой. Кто-то за моей спиной встряхивает зонт, вода брызгает на брюки. Я машинально отступаю, пропуская женщину с ребёнком, и только потом снова смотрю на полицейского.

— Вы ошиблись. Косте семнадцать. У него нет прав.

— Именно поэтому нам важно разобраться во всех обстоятельствах, — Громов говорит мягче, но папку прижимает к груди крепче. — Он учится в автошколе?

— Учится. На занятия его возит инструктор. К машине Олега это какое имеет отношение?

— Даша, пойдём, — муж кладёт ладонь мне на спину. — Здесь не место.

Я сбрасываю его руку.

— Где был ты?

— В офисе. Я уже всё объяснил.

— Кому объяснил? Что объяснил?

Олег несколько секунд смотрит на полицейского, словно решает, сколько можно сказать при нём. Затем кивает в сторону пустого участка коридора возле закрытого буфета.

— Костя приехал ко мне после занятий. — Олег поправляет пиджак на руке и смотрит не на меня, а на двери приёмного. — Я не успевал освободиться. Полина всё равно ехала в нашу сторону, вот и попросил подбросить его.

Полина. Наверное, я должна вспомнить эту сотрудницу,

но вместо лица всплывает новогодняя рассылка компании: десятки одинаковых фотографий, имена, должности. Муж редко рассказывает дома о людях, если от них не зависит очередной контракт.

— И она зачем-то отдала руль мальчишке без прав?

Олег морщится из-за слова «мальчишка».

— Он не маленький. Упросил остановиться после заправки, сказал, что умеет. Пошёл дождь, на обгоне не рассчитал… Даша, не заставляй меня сейчас пересказывать тебе каждую секунду.

Каждую секунду он как раз будто уже разложил по папкам. На правом манжете засохла чужая кровь, а голос остаётся тем же, каким он отчитывает менеджера за опоздание фуры. Утром Костя ворчал из-за новой серой куртки: жарко, неудобно, одноклассники засмеют. Я заставила надеть. Теперь мне хочется спросить хотя бы о ней — порвана ли, вся ли в крови, — лишь бы не слушать этот ровный рассказ.

— Ты сам видел Костю за рулём?

— Полина видела. Она сидела рядом.

— Тогда почему о больнице я узнаю от чужой женщины?

Муж наконец смотрит на меня. Он прикусывает щёку изнутри — так бывало перед тяжёлыми разговорами, когда Олег ещё позволял мне видеть, что разговор тяжёлый и для него.

— Я приехал, увидел разбитую машину и нашего сына на асфальте. Потом говорил с врачами, полицией, искал его до-

кументы. Позвонить тебе я собирался, но, извини, в ту минуту не следил за часами.

— Больница почему-то успела.

Олег шумно выдыхает, однако ответить не успевает. К нам торопится медсестра, стягивая на ходу одну перчатку за другой. Муж уже подаётся ей навстречу.

— Корнеев, семнадцать лет. Вы от него?

— КТ чистая, переломов не видим, — женщина прижимает снятые перчатки к планшету. — Сотрясение есть, оставим под наблюдением. Мама кто?

Я зачем-то вскидываю руку. Медсестра кивает на высокую стойку с бланками и начинает диктовать, где поставить подпись. Буквы двоятся. В строке «контактное лицо» я вывожу номер мужа, замечаю это только на последней цифре и несколько раз зачёркиваю написанное, пока бумага не начинает рваться.

— Я могу войти к нему? — спрашиваю я, закрывая исправление своим номером.

— Ненадолго. Не тормошите и не вытягивайте подробности, он сонный и может путаться.

Олег подхватывает пиджак и направляется за нами. Медсестра, не повышая голоса, выставляет локоть поперёк двери.

— Только один посетитель.

— Я его отец, — напоминает муж, уже доставая телефон, словно собирается кому-то звонить.

Женщина оглядывает нас обоих и открывает дверь шире с моей стороны.

— А это его мать. Пять минут, потом поменяетесь.

Я прохожу первой и не проверяю, остался ли Олег ждать. Внутри тише; только тележка поскрипывает возле стены да за ширмой неровно дышит сосед Кости.

Сын лежит у окна, бледный на слишком белой подушке. Над бровью приклеена узкая полоска пластыря, на скуле наливается синяк. Больничная рубашка коротка ему в запястьях, и от этого Костя кажется вдруг не взрослым парнем, который отмахивается от моих советов, а тем мальчиком, для которого я когда-то подворачивала рукава. Я подхожу и поправляю одеяло, хотя оно лежит ровно.

— Мам?

— Я здесь. — Я сажусь на край стула и беру его за руку. Кожа холодная, на костяшках засохла кровь. — Где болит?

— Голова. Тошнит немного. А тот мужчина… он жив?

Костя пытается приподняться, я удерживаю его за плечо. Медсестра предупреждала не давить, но вопрос уже не отпускает.

— Его оперируют. Кость, мне сказали, что ты был за рулём.

Сын перестаёт тянуться к подушке. Сначала смотрит на дверь, потом на меня. В коридоре слышится голос Олега — муж спорит с кем-то по телефону о доступе к машине.

— Ты был за рулём? — повторяю я.

Костя молчит так долго, что я успеваю поверить: да, испугался, натворил, теперь не знает, как признаться. Я сжимаю его пальцы.

— Скажи мне. Что бы там ни было, мы разберёмся.

— Нет, — выдыхает он.

— Ты не вёл машину?

Костя стискивает мою ладонь неожиданно сильно. Его взгляд снова дёргается к двери.

— Мам… Полина ехала. Папа сказал мне пока молчать.

Глава 2. Она тоже говорит, что это ты

— Что именно папа сказал? — Я наклоняюсь ближе, потому что за дверью снова слышу шаги. — Костя, посмотри на меня.

Сын с трудом фокусируется на моём лице. На мониторе у изголовья мерно вспыхивают зелёные цифры, а под пластырем у него проступает тонкая красная полоска.

— Что он разберётся. Чтобы я ничего не говорил, потому что головой ударился. Мам, я не…

Дверь открывается. Медсестра напоминает, что время вышло, и я едва не прошу у неё ещё минуту. Но Костю снова начинает мутить. Он закрывает рот ладонью, женщина быстро подставляет лоток и велит мне отойти.

— Я вернусь, — говорю я сыну. — Никому ничего не подписывай и не объясняй без меня. Слышишь?

Он кивает, но сразу морщится от боли. Я выхожу в коридор, держа в памяти его холодные пальцы и взгляд на дверь.

Олег стоит у окна. Пиджак он успел снять и перекинуть через руку, телефон прижат к уху. Увидев меня, муж заканчивает разговор словами: «До моего приезда машину никто не трогает», — и убирает аппарат.

— Как он?

— Говорит, что за рулём была Полина.

В лице Олега ничего не меняется. Только пиджак сползает с предплечья, и он ловит его за ворот.

— У него сотрясение. Врач тебя предупреждал.

— Он помнит, что ты велел молчать.

— Потому что он не способен сейчас давать показания. Я велел ему дождаться адвоката и прийти в себя. Любой нормальный отец сделал бы то же самое.

— Любой нормальный отец позвонил бы матери своего ребёнка.

Громов по-прежнему ждёт возле приёмного. Он делает вид, что читает бумаги, но наш разговор здесь слышат и он, и регистратор за стойкой, и пожилая пара на пластиковых стульях. Олег кивает в сторону лестницы.

— Давай без сцены.

— Сцена уже была. На мокрой дороге. Ты приехал на неё первым и почему-то сразу решил, что всем нужно говорить одно и то же.

Он берёт меня под локоть, однако на этот раз я не позволяю увести себя дальше двери палаты.

— Не трогай меня. Кто такая Полина?

— Руководитель направления у нас в компании. Она тоже пострадала.

— Я хочу с ней поговорить.

— Нет.

Короткое слово звучит привычно. Так Олег отвечает, ко-

гда решение уже принял и считает дальнейший разговор потерей времени. Раньше я выбирала момент поспокойнее, собирала аргументы, а иногда уступала: он действительно часто оказывался прав. Сейчас за его спиной лежит наш сын, которому муж велел молчать.

— Ты не можешь мне запретить.

— Она под обезболивающим и дала объяснения полиции. Ты ворвёшься к пострадавшей женщине с обвинениями и только ухудшишь положение Кости.

— Каким образом правда ухудшает его положение?

Олег оглядывается на Громова. Полицейский уже не притворяется занятым и наблюдает за нами.

— Дарья Андреевна, — вмешивается он, — Полина Сергеевна действительно сообщила, что передала управление вашему сыну. Её опросили в присутствии врача. Показания последовательные.

Я поворачиваюсь к нему.

— А моего сына вы опросили?

— Нет. Его состояние пока не позволяет. Но он сможет изложить свою версию позже.

— Когда два взрослых человека уже успеют договориться, какой она должна быть?

Громов поджимает губы. Я понимаю, что нападаю не на того, но остановиться не могу. Олег становится между нами, закрывая полицейского плечом.

— Хватит. Ты напугана и слышишь только то, что хочешь.

Костя после удара не помнит часть дороги. Он будет хвататься за последнюю картину, которая осталась в голове: Полина вела машину, когда они выехали из офиса.

— Откуда ты знаешь, какую часть дороги он помнит?

Муж медлит всего мгновение.

— Я разговаривал с ним на месте.

— Когда он лежал после удара?

— Когда ждал скорую. Я спросил, как всё произошло. Он путался, Даша. Сначала говорил одно, потом другое.

— Что именно другое?

Олег смотрит мне прямо в лицо, и я впервые вижу, как он выбирает ответ.

— Что не знает, кто был за рулём.

— А мне он знает.

— Потому что ты задала ему вопрос так, что он понял, какого ответа ты ждёшь.

От возмущения я на секунду теряю голос. Муж пользуется паузой и понижает тон.

— Послушай меня. Сейчас главное — здоровье Кости. Не твои подозрения, не истерика из-за незнакомой женщины. Если начнёшь давить на сына, он окончательно запутается. Дай мне вызвать адвоката и всё организовать.

— Твоего адвоката?

— Семейного. Он уже едет.

Слово «семейного» царапает сильнее, чем должно. В этой семье Олег уже успел распорядиться моей ролью, словами

Кости и даже тем, что я имею право услышать от второй участницы аварии.

Я достаю телефон и открываю поиск.

— Что ты делаешь?

— Ищу адвоката сыну.

— Я только что сказал, что человек едет.

— Человек, которого выбрал ты, будет защищать твою версию. Косте нужен тот, кто станет защищать Костю.

Олег делает полшага ко мне и тут же останавливается: Громов смотрит слишком внимательно.

— Ты понятия не имеешь, что делаешь.

— Возможно. Поэтому я найду того, кто имеет.

Из бокового коридора выходит врач в синей форме. Он держит планшет и ищет кого-то взглядом. Олег мгновенно отворачивается от меня.

— Илья Романович, как она?

Врач подходит ближе, листая записи.

— Угрозы жизни нет. Ушиб грудной клетки, рассечение, растяжение. По снимкам ничего критичного. Но обезболивание и дальнейшие назначения нужно согласовывать с учётом беременности. Срок небольшой, риски сейчас оценит дежурный гинеколог.

Я жду, что муж переспросит фамилию пациентки, что речь окажется о другой женщине. Но Олег только кивает и уточняет, какие препараты ей уже дали. Он знает. И срок, судя по всему, тоже.

Врач наконец замечает меня.

— Вы родственница Полины Сергеевны?

— Нет, — отвечаю я. — Я мать второго пострадавшего.

Муж сжимает планшет врача за край и тут же убирает руку.

— Спасибо. Я подойду к вам через минуту.

Илья Романович переводит взгляд с него на меня, но вопросов не задаёт. Когда он уходит, Олег пытается двинуться следом.

Я преграждаю дорогу.

— Почему врач говорит с тобой о её беременности?

— Не здесь.

— Причём тут ты?

Мимо провозят каталку. Мы оба отступаем к стене, пропуская санитара, и несколько секунд стоим рядом, как супруги, которые просто ждут новостей о сыне. Я чувствую запах его одеколона, смешанный с больничным антисептиком, и вспоминаю, как утром поправила ему воротник у двери. Олег тогда поцеловал меня в висок и пообещал забрать Костю.

— Даша, нам нужно сосредоточиться на сыне, — тихо говорит он. — Остальное я объясню потом.

— Нет. Сейчас. Она твоя сотрудница, сидела за рулём твоей машины, солгала о нашем сыне, а ты обсуждаешь с врачом её обследование. Я спрашиваю в последний раз: какое отношение ты имеешь к её беременности?

Олег смотрит в сторону палаты Кости. Потом на закрытую дверь другого отделения, за которой находится Полина. Он словно ещё надеется найти формулировку, способную оставить всё под контролем, но коридор, полицейский и врач уже услышали достаточно.

— Ребёнок мой.

Глава 3. Кого легче спасти

Слова Олега остаются между нами, пока санитар пытается развернуть каталку в тесном коридоре. Колесо бьётся о стену, пациент стонет, медсестра просит нас отойти. Я послушно прижимаюсь к подоконнику и замечаю на стекле своё отражение: мокрые волосы, пальто застёгнуто не на те пуговицы, в руке всё ещё зажат Костин полис.

— Какой срок? — спрашиваю я.

Олег машинально тянется ко мне, наверное, хочет увести подальше от посторонних. Я поднимаю ладонь, и он впервые останавливается, не коснувшись.

— Девять недель. Даша, я собирался сказать.

— Сегодня? После того как заберёшь нашего сына с занятий? Или когда она родит?

Громов отходит к стойке, но далеко уйти ему некуда. Пожилая женщина на пластиковом стуле перестаёт листать журнал. Олег замечает её интерес и открывает дверь на лестницу.

— Здесь палаты. Пойдём.

Я не хочу идти с ним никуда, однако за ближайшей дверью лежит Костя. Ему сейчас меньше всего нужен наш скандал под окнами палаты. Поэтому выхожу на лестничную площадку первой. Здесь пахнет сырой штукатуркой, сквозняк шевелит объявление о запрете курения.

— Отвечай только на один вопрос. Кто был за рулём?

— Я уже ответил.

— Нет. Ты повторил то, что сказала Полина. Я спрашиваю, что знаешь ты.

Олег закрывает дверь и несколько секунд держится за ручку. Потом медленно поворачивается.

— Ты сейчас из-за измены не способна оценить ситуацию трезво.

— Измена подождёт. Нашего сына обвиняют в аварии. Ты был на связи с Полиной? Ты видел машину до удара? Она тебе позвонила? Откуда ты так быстро приехал?

— Она позвонила после столкновения, — отвечает муж, пропустив половину вопросов. — Я был недалеко.

— И что она сказала?

Олег отпускает ручку и спускается на одну ступень, вынуждая меня смотреть сверху. Обычно он так не делает. Обычно в споре подходит ближе и говорит тише, пока всем остальным не начинает казаться, что кричу одна я.

— Что Костя вёл машину. Что произошло столкновение. Я приехал и увидел последствия.

— А Костя сказал, что вела она.

— У Кости сотрясение.

— У Полины ушибы и обезболивающее. Почему её память для тебя надёжнее?

Олег проводит большим пальцем по краю телефона. На экране загорается имя «Сергей Сафронов», но муж откло-

няет вызов.

— Потому что она была в сознании. Даша, послушай хотя бы минуту. Да, всё выглядит ужасно. Да, я виноват перед тобой. Но авария уже произошла, и теперь нужно думать, как не уничтожить четыре жизни сразу.

— Четыре?

— Нашу, Кости, Полины и ребёнка.

Он говорит «нашу» первым, будто это ещё может что-то весить. Я сминаю полис в руке, расправляю его о перила и только после этого снова поднимаю глаза.

— Расскажи, как ты собираешься спасти четыре жизни, если начинаешь с обвинения собственного сына.

— Косте семнадцать. Он несовершеннолетний, раньше ни во что не попадал. У нас будут лучшие адвокаты. Я найду экспертов, договорюсь о лечении пострадавшего, компенсирую семье всё, что понадобится. Я не оставлю Костю ни на одном этапе.

— А Полину?

— Ей двадцать восемь, она беременна. Я не буду рисковать тем, что её закроют. У Кости есть ты, есть я, есть дом, деньги и фамилия. У этого ребёнка пока никого.

— У него есть отец, который решил расплатиться старшим сыном.

Олег резко поднимается на ступень ко мне.

— Не передёргивай. Я никого не сдаю. Я распределяю последствия так, чтобы каждый их пережил.

Фраза звучит деловой и знакомой. Так он распределяет убытки между филиалами, когда один склад срывает сроки. Я прижимаю ладонь к холодным перилам, чтобы не отшатнуться.

— Ты предлагаешь Косте признаться в чужой аварии?

— Я предлагаю спасти всех. — Муж говорит уже не так уверенно. Он видит моё лицо и пытается смягчить тон. — Полина совершила страшную ошибку. На мокрой дороге, в панике. Если отправить её под удар сейчас, что изменится? Пострадавшему не станет лучше. А ребёнок может родиться без матери рядом.

— А если под удар отправить Костю, всё изменится?

— Я его вытащу.

— Ты адвокат? Следователь? Судья?

— Я его отец.

На площадку сверху выходит мужчина в больничной пижаме с капельницей. Увидев нас, он недовольно разворачивается и тащит стойку обратно. Олег ждёт, пока звякнут закрывшиеся двери, и продолжает почти шёпотом:

— Ты сама знаешь Костю. Он сильный. Он выдержит несколько тяжёлых месяцев, а я сделаю так, чтобы на его будущем это не отразилось. Полина сейчас не выдержит. Её уже трясёт от одной мысли, что будет с беременностью.

— Ты успел спросить, что выдержит твой сын?

— Он в шоке. Сейчас за него должны решить взрослые.

— Ты уже решил. Даже меня не спросил.

Олег устало растирает переносицу. Впервые за весь разговор в нём проступает человек, который тоже видел разбитую машину и испугался. На короткую секунду я почти вспоминаю мужа, способного среди ночи примчаться к заболевшему Косте из другого города. Но следом он открывает галерею в телефоне.

— Вот, — говорит Олег и показывает мне ролик. — Прошлым летом. Закрытая площадка за складом.

На экране Костя сидит за рулём этой же машины. Смеётся, когда мотор глохнет, потом заводит снова. Голос Олега за кадром подсказывает, как отпустить сцепление. Следующее видео: сын уже уверенно разворачивается между конусами. На третьем отец говорит: «Нормально идёшь, Костян. Машину чувствуешь».

Я помню этот день. Олег вернулся с сыном поздно, оба были голодные и довольные. Костя за ужином не закрывал рот, а муж подмигнул мне: «Пусть похвастается».

— Зачем ты это показываешь?

— Чтобы ты поняла: версия не выглядит невероятной. Он учится в автошколе, умеет трогаться, ездил именно на этой машине. На руле и рычаге наверняка есть его следы. Если начнём сейчас метаться и обвинять Полину, следствие всё равно станет проверять Костю. Только мы потеряем возможность управлять тем, как это произойдёт.

— Управлять, — повторяю я. — Вот что тебя волнует.

— Меня волнует сын. И я лучше тебя понимаю, как рабо-

тают такие вещи.

Я забираю у него телефон. Олег не ожидает и не успевает удержать. Прокручиваю записи обратно: Костя поворачивается к камере, сияющий, гордый собой. Его снимал отец. Человек, которому сын потом показывал каждую оценку в автошколе.

— Эти ролики останутся у тебя, — говорю я, возвращая аппарат. — Ты никому их не отправишь.

— Не командуй мной, Даша.

— А ты не смей делать доказательство из дня, который Костя считал счастливым.

Телефон снова вибрирует. Теперь звонит «Андрей Павлович». Наверное, тот самый семейный адвокат. Олег смотрит на имя и принимает вызов.

— Подожди, я перезвоню, — бросает он и сразу отключается. — Я понимаю, что ты зла. Но если сейчас позволить эмоциям руководить нами, мы потеряем шанс помочь всем.

— Ты врёшь о водителе, прячешь от меня любовницу и просишь не поддаваться эмоциям. Очень удобно.

— Я прошу довериться мне в том, что умею делать. Решать проблемы.

За дверью лестницы появляется медсестра и зовёт родителей Корнеева: Костю переводят в палату. Я берусь за ручку, но Олег удерживает дверь ладонью.

— Он не должен сейчас слышать, что мать считает его слабым.

— Я не считаю его слабым. Я считаю его невиновным.

Олег качает головой, будто я снова отказалась понимать очевидное.

— Если он скажет, что был за рулём, эта версия будет выглядеть совершенно нормально.

Глава 4. Я не обещаю спасти вашего сына

— Уберите руку, — говорю я.

Олег не двигается, и тогда я открываю дверь сильнее. Край толкает его ладонь. Муж отступает, пропуская меня в коридор, но идёт рядом до самой палаты.

— Не устраивай допрос мальчику.

— Ты уже устроил. Теперь я прослежу, чтобы больше никто не разговаривал с ним без адвоката.

— Мой человек внизу.

— Твой человек может защищать тебя.

Костю перевозят мимо нас. Он спит, одна рука свисает с каталки, и Олег первым подхватывает её, укладывает поверх одеяла. Делает это осторожно, привычно, как всегда поправлял сыну сползшую шапку. У меня внутри поднимается ярость именно из-за этой осторожности. Было бы легче, если бы рядом стоял чужой мужчина, который никогда не любил нашего ребёнка.

В палату нас не пускают. Я устраиваюсь на стуле возле двери, открываю список адвокатов и звоню по первому номеру с круглосуточной консультацией. Дежурный обещает «быстро закрыть вопрос», едва услышав фамилию Олега. Я заканчиваю разговор. Второй долго расспрашивает о платё-

жеспособности. Третий предлагает приехать утром.

Сообщение приходит от моей коллеги Иры: «Ланской Марк Сергеевич. Он вытащил сына наших поставщиков, когда все уже списали. Звонить сейчас?»

Я отвечаю: «Сейчас».

Марк берёт после пятого гудка.

— Ланской.

— Меня зовут Дарья Корнеева. Мой сын попал в аварию. Ему семнадцать, прав нет, но двое взрослых утверждают, что он был за рулём. Сам он говорит обратное. Один из этих взрослых — мой муж.

На том конце несколько секунд слышно, как перелистывают бумагу.

— Где вы?

— В больнице номер семь.

— Кто уже говорил с подростком?

— Отец. Полиция пока нет, насколько я знаю.

— Ничего не подписывать. По существу никому больше не отвечать. Я буду минут через сорок.

— Вы возьмётесь?

— Сначала увижу материалы и вашего сына. Не обещайте себе за меня того, чего я не говорил.

Телефон замолкает. От сухости его тона мне почему-то легче, чем от всех заверений Олега.

Ланской приезжает через тридцать две минуты. Я замечаю время, потому что смотрю на часы почти непрерывно.

Высокий мужчина в тёмном пальто проходит по коридору, на ходу убирая документы в тонкую папку. На висках у него пробивается седина, нижний край брюк забрызган дождём. Он не ищет глазами самого важного человека — подходит прямо ко мне.

— Дарья Андреевна?

Я встаю и протягиваю руку. Ладонь у него холодная после улицы.

— Марк Сергеевич. Сын спит. Врач разрешит разговор позже.

— Тогда рассказывайте вы. По порядку, без выводов. Что знаете лично, что услышали от Кости, что — от мужа.

Олег отрывается от разговора с приехавшим адвокатом и направляется к нам.

— Корнеев. Отец Константина. — Он представляется так, будто фамилия должна снять половину вопросов. — Мы уже организовали защиту семьи, но благодарю за оперативность.

Ланской пожимает ему руку и тут же отпускает.

— Какую версию вы дали полиции?

— Правдивую. Сын управлял автомобилем без разрешения.

— Вы видели его за рулём?

Олег задерживает взгляд на мне, понимая, что я успела рассказать.

— Рядом находилась Полина Соколова. Она подтверждает.

— Я спросил, видели ли вы.

— Нет. Приехал после аварии.

Марк кивает, записывает несколько слов от руки. На раздражение мужа он не реагирует, и это раздражает Олега ещё сильнее.

— Господин Ланской, — вмешивается Андрей Павлович, гладкий мужчина с портфелем и дорогими часами, — очевидно, произошла путаница. Я представляю всю семью Корнеевых. Мы готовы сотрудничать и выработать единую позицию.

— У подростка и двух взрослых разные интересы. Единой позиции здесь быть не может.

— Вы делаете поспешный вывод, — Олег говорит мягко, почти дружелюбно. — Давайте отойдём. Я введу вас в курс дела и, разумеется, оплачу работу. Если Дарье спокойнее с вами, ведите интересы семьи вместе с Андреем Павловичем.

Марк закрывает папку.

— Вы утверждаете, что ваш сын совершил преступление. Он утверждает, что это сделала ваша беременная сотрудница. Вы предлагаете мне одновременно защищать обоих?

— Я предлагаю не превращать несчастный случай в войну близких людей.

— Тогда выберите адвоката себе. Я поговорю с Константином и его матерью.

Олег ещё держит вежливую улыбку, но кожа возле губ белеет.

— Моему сыну не нужен человек, который начнёт запугивать его тюрьмой.

— Ему точно не нужен человек, который обещает отсутствие последствий.

Марк поворачивается ко мне и просит найти тихое место. Мы садимся в конце коридора возле выключенного кулера. Он уточняет время звонков, состояние Кости, кто извлекал людей из автомобиля, где сейчас машина. На некоторые вопросы я не знаю ответа, и Ланской не торопится заполнить пробел догадкой.

— Скажите честно, — прошу я. — Насколько всё плохо?

— Плохо. Есть взрослая свидетельница из салона, первичные объяснения отца и отсутствие ясных показаний самого Кости. Если второй водитель тяжело пострадал, дело не закончится штрафом за машину без прав.

— Олег говорит, Костя несовершеннолетний и раньше ничего не нарушал.

Марк снимает очки, протирает линзы краем салфетки из автомата. Одну линзу пересекает тонкая царапина.

— Это будет иметь значение. Но возраст не стирает последствия аварии. Отсутствие права управления тоже не подарок защите. Если состояние потерпевшего ухудшится, обещать вам условное наказание или отсутствие реального срока сейчас может только человек, который либо не понимает риска, либо хочет, чтобы вы перестали сопротивляться.

У меня под языком появляется металлический привкус.

Я делаю глоток воды из бумажного стаканчика, вода тёплая и пахнет пластиком.

— Вы спасёте моего сына?

Марк перестаёт складывать салфетку и смотрит на меня поверх очков.

— Нет, Дарья Андреевна. Так я вам сейчас не скажу.

Отвечает он без нажима, но я всё равно сминаю край стаканчика. Наверное, рассчитывала хотя бы на привычное «сделаем всё возможное», на фразу, которую потом можно повторять себе до утра.

— Вы уже второй человек за вечер, который обещает мне честность вместо помощи.

— Ваш муж обещает результат, которого не может знать. Я предлагаю начать с того, что можно проверить. — Марк забирает у меня размокший стаканчик, чтобы вода не пролилась на бумаги, и ставит его под стул. — Мне понадобятся медицинские записи Кости, схема аварии, сведения о машине. И разговор с ним, когда врач разрешит. Если он путается из-за сотрясения, это тоже проявится, только не после пяти вопросов у кровати.

— А если проявится? Если он действительно не помнит?

— Тогда не станем придумывать память вместо него. Соберём остальное.

За спиной скрипит подошва. Олег остановился в нескольких метрах и, судя по тому, как смотрит на Марка, услышал достаточно.

— Можно вас на минуту? — спрашивает муж. Он кивает к окну, приглашая отойти. — Только вопрос оплаты, Дарье это сейчас ни к чему.

Марк даже не закрывает блокнот.

— Договор я обсуждаю с тем, кто меня нанимает. Вы уже привезли своего представителя.

Я достаю карту из кошелька. Обычная зарплатная карта, которую Олег видел сотни раз, но сейчас он задерживает на ней взгляд.

— Даша, остановись. Ты понятия не имеешь, сколько будет стоить такое дело.

— Имею достаточно, чтобы оплатить первый этап, — отвечаю я и убираю карту в карман. — Дальше разберусь.

Марк замечает, что муж уже готов возразить, и возвращает договор в папку.

— Реквизиты пришлёт помощник. Сейчас важнее зафиксировать состояние Кости и ограничить контакты по делу. Ваш семейный разговор можете закончить без меня.

Он отходит к посту медсестры. Олег садится рядом, оставив между нами один пустой стул.

— Ты ему веришь после десяти минут?

— Нет. Именно поэтому он мне подходит. Он пока никому не верит.

Дверь реанимационного блока открывается. Выходит врач в зелёной форме, снимает шапочку и оглядывает коридор.

— Родственники Андрея Белова здесь?

Никто не отвечает. Громов подходит к нему, они говорят негромко, но в больничной тишине слышно каждое слово.

— После операции состояние второго водителя остаётся критическим. Ближайшие часы будут решающими.

Глава 5. Карты памяти нет

Врач уходит, а я ещё смотрю на двери реанимации. Где-то за ними человек, чьё имя я услышала впервые пять минут назад, борется за жизнь. Если он умрёт, всё, что Олег называет «несколькими тяжёлыми месяцами», станет чем-то совсем другим.

— Мне нужно знать о нём всё, что можно, — говорю я Марку. — Имя семьи, лечащий врач, чем мы можем помочь.

— Помочь с лечением можно и нужно. — Он закрывает папку и убирает очки. — Только не подписывайте ничего о признании ущерба от имени Кости и не передавайте деньги через людей мужа. Любой документ сначала присылайте мне.

Олег слышит и усмехается без веселья.

— Пока вы объясняете Дарье, как не сделать лишнего, мои врачи уже консультируют хирурга.

— Хорошо, — отвечает Марк. — Пусть консультируют. Названия клиник и специалистов сообщите матери Кости, чтобы помощь не выглядела тайной сделкой.

Утро приходит без сна. Костя остаётся в больнице, я сижу рядом, пока он то проваливается в забытьё, то просыпается и спрашивает про Андрея Белова. Олега к нему не допускаю до разговора с Марком. Муж не спорит при врачах, зато каждые полчаса пишет: «Даша, это абсурд»; «Я его отец»; «Ты

делаешь только хуже».

Когда Костя просыпается яснее, Марк разговаривает с ним двадцать минут. Я остаюсь в палате, но сажусь у окна и не перебиваю. Сын помнит выезд из паркинга, дождь, телефонный разговор Полины с отцом, встречные фары. Сам удар вспоминает кусками. В одном уверен: справа сидел он.

— Почему папа велел молчать? — спрашивает Марк, свернув колпачок ручки между пальцами.

Костя прикрывает глаза.

— Сказал, я ударился головой и наговорю ерунды. Что он всё решит. Потом Полина подошла… у неё кровь была здесь. — Сын касается виска. — Они о чём-то шептались. Я не слышал.

Марк не заставляет его угадывать и заканчивает разговор. Уже в коридоре он быстро перечисляет помощнику по телефону, что нужно сохранить: автомобиль, записи городских камер, данные связи, телефоны, телематику, сведения об очевидцах. Он говорит спокойно, но каждое слово звучит как гонка со временем.

— Что может исчезнуть? — спрашиваю я, когда звонок заканчивается.

— Камеры перезаписывают архив. Телефоны ломаются и теряются. Машину могут начать осматривать без участия защиты. Сейчас отправим ходатайства и отдельно зафиксируем их получение.

— А видеорегистратор? Он в машине есть. Олег поставил

после прошлого ДТП, когда его фуру пытались обвинить.

Марк смотрит на меня внимательнее.

— Какой регистратор?

Я нахожу фотографию салона с летней поездки. За зеркалом висит маленький чёрный корпус, кабель уходит под обшивку. На снимке Костя кривляется на пассажирском сиденье, и мне приходится увеличить верхнюю часть, чтобы не смотреть на сына.

— Этот. Он пишет на карту памяти.

Через несколько часов мы встречаемся у площадки, где хранится автомобиль. Меня к осмотру не допускают, но Марк добивается участия специалиста защиты и возвращается спустя сорок минут. Дождь закончился, на мокром железном заборе блестят капли. Я всё это время хожу от ворот до серой будки охраны и обратно.

— Регистратор на месте, — говорит он. — Карты внутри нет.

— Она могла вылететь от удара?

— Гнездо закрыто. Осмотрим салон, запросим, была ли карта при первичной фиксации. Но рассчитывать, что она лежит под ковриком и ждёт нас, я бы не стал.

Я вспоминаю бурое пятно на манжете Олега. «Мне нужно было найти документы». Он сам сказал, что подходил к машине.

— Олег был в салоне до полиции.

— Вы это знаете?

— Он говорил, что искал Костины документы. И на месте сказал сыну молчать.

Марк достаёт блокнот, но не записывает сразу.

— Карты нет — факт. Ваш муж был возле машины — пока слова. Что он её забрал — версия, даже если нам обоим она кажется очевидной. Не подталкивайте его к оправданиям раньше времени.

— То есть сделать вид, что я ничего не поняла?

— Сделать вид не получится. Просто не рассказывайте человеку, подозреваемому в уничтожении записи, какие вопросы мы собираемся задавать.

В офисе Марка нам выделяют переговорную. На стол постепенно ложатся распечатки: схема перекрёстка, первые фотографии, медицинская справка Кости. Эксперт объясняет, что травмы могут соответствовать пассажирскому месту, однако удар был сложным, людей вытаскивали из машины через доступные двери. Одной ссадиной ремня никого не оправдать.

— Отпечатки на руле? — спрашиваю я.

— Ваш сын раньше касался руля, — Марк поворачивает ко мне телефон с тем самым летним снимком. — Даже отсутствие свежего следа не докажет отсутствие управления. А наличие тем более.

Каждая надежда, которую я успеваю ухватить, оказывается слишком тонкой. Камеры на ближайшем перекрёстке смотрят в другую сторону. Очевидцы видели людей уже сна-

ружи: пассажирская дверь заклинила, Костю вытаскивали через водительскую. Полина всё повторяет ровно. Олег подтверждает её слова.

Я беру фотографии, чтобы разложить по времени. На первой ещё работают спасатели. На второй машину снимают сбоку. На третьей за ней растянулась пробка. Я увеличиваю лица, фары, вывески, хотя понимаю, что ищу ответ там, где его никто не обещал.

— Дарья Андреевна, — Марк подвигает ко мне чашку кофе. — Сделайте перерыв. Вы уже третий раз просматриваете один набор.

— Значит, два раза я ничего не увидела.

На дальнем краю снимка стоит белый коммерческий фургон. Он попал в кадр не полностью: часть перекрыта пожарной машиной. Возле зеркала тёмный прямоугольник, похожий на камеру. Я увеличиваю изображение, и оно рассыпается на квадраты.

— Посмотрите сюда.

Марк наклоняется через стол. От кофе у него запотели очки, он снимает их и придвигает фотографию ближе.

— Фургон?

— У него что-то возле зеркала. Регистратор или система контроля водителя. На борту логотип, но пожарная машина закрывает почти всё.

Виден синий полукруг и две буквы — то ли «та», то ли «га». Номер превращается в белое пятно. Марк отправляет

оригинал специалисту, просит не «дорисовывать», а попробовать вытащить то, что действительно записалось.

Я переписываю время с фотографии на салфетку, потому что блокнот занят Марком. Цифры получаются кривыми, зато теперь у белого пятна есть хотя бы пятнадцатиминутное окно, в котором его можно искать.

— Можно найти его по камерам?

— Попробуем. Время и участок известны. Только обещать, что устройство работало, было направлено куда нужно и запись сохранилась, я не стану.

— Вы вообще когда-нибудь обещаете что-нибудь хорошее?

Он надевает очки и впервые чуть улыбается.

— Иногда. Когда оно уже случилось.

Я снова смотрю на фотографию. Фургон стоит в той же полосе, что машина Олега. По расположению автомобилей и следам торможения ясно: он приехал к месту столкновения следом, а не оказался там позже.

— Марк, — говорю я, прижав палец к белому капоту. — Этот фургон находился прямо за машиной Олега.

Глава 6. Ты сильнее неё

— Да, — отвечает Марк после паузы. — И теперь главное — не потерять его второй раз.

Он ставит задачу помощнику проверить городские камеры по времени и направлению движения. Я фотографирую экран и отправляю снимок самой себе, потом сохраняю ещё в рабочее облако. После исчезновения карты регистратора одного экземпляра мне мало.

К вечеру Костю выписывают под наблюдение. В больничном холле он останавливается перед автоматическими дверями. На улице ждёт машина Марка: я попросила отвезти нас, потому что в автомобиль Олега сын садиться отказался ещё утром. Костя смотрит на поток за стеклом и просит минуту.

— Голова кружится? — Я беру его под руку.

— Нет. Там фары. Глупость.

— Не глупость. Постояли — и пойдём.

Олег появляется со стороны лифтов. В одной руке у него пакет с Костиными вещами, в другой — букет для дежурного врача. Он замечает, как сын держится за мой локоть, и замедляет шаг.

— Домой поедем вместе, — говорит муж. — Я за рулём.

— Мы переночуем у Иры, — отвечаю я. Коллега отдала нам ключи от пустующей квартиры дочери. — Адрес тебе не

нужен.

— Мне нужен мой сын.

Костя наконец оборачивается.

— Пап, я хочу поговорить.

Я сразу возражаю: врач велел избегать нагрузки, Марк просил ограничить разговоры об аварии. Но сын раздражённо высвобождает локоть.

— Мам, мне семнадцать, не семь. Я сам его позвал.

Олег не прячет удовлетворения. Он кивает на маленькое кафе при больнице, где пустует дальний столик.

— Пять минут, — говорю я. — И при мне.

— Даш… — начинает муж.

— Или никак.

Костя первым идёт в кафе, и спорить при нём Олег не решается. Мы садимся возле окна. Сын вертит бумажный браслет, который забыли снять при выписке. Олег ставит пакет на соседний стул и некоторое время молча разглядывает синяк на его лице.

— Прости, что меня не было рядом, — говорит он. — Я должен был забрать тебя сам.

Костя перестаёт рвать край браслета.

— За рулём была Полина.

— Я знаю, что тебе так кажется. После удара память может смешивать начало поездки и конец.

— Пап, я сидел справа.

Олег накрывает ладонью его запястье. Костя не отдёрги-

вает руку, и я понимаю, насколько сильно он ждал отца. Не адвоката, не доказательства — знакомого «я здесь, всё нормально».

— Послушай. Полина носит твоего брата или сестру. Срок маленький, она очень напугана. Если сейчас начать обвинять её, можно сломать две жизни, а не одну.

— Моего брата? — Костя смотрит на меня, будто проверяет, не ослышался ли.

Я киваю. Сказать ему сама не успела.

— И ты поэтому всё решил? — спрашивает сын.

— Я ничего не решил против тебя. — Олег придвигает стул ближе. — Ты мой мальчик. Я знаю, какой ты. Крепкий, разумный. У тебя есть мы, адвокаты, возможности. Полина сейчас слабее тебя, а ребёнок вообще ни в чём не виноват.

— Костя тоже ни в чём не виноват, — вмешиваюсь я.

Муж поворачивается ко мне, но отвечает сыну.

— Мама злится на меня за то, что произошло между взрослыми. Она имеет право. Только уголовное дело и развод — разные вещи. Не позволяй смешивать их.

— Ты сам их смешал, когда выбрал любовницу вместо сына.

Костя втягивает воздух и морщится. Я жалею о резкости, но Олег уже использует её. Он убирает ладонь с руки сына и смотрит на него устало, без прежней деловой уверенности.

— Я не прошу тебя выбирать между нами. И никогда не брошу. Помнишь, что я говорил, когда ты в детстве потерял-

ся в торговом центре?

Сын едва заметно кивает.

— Корнеевы своих не бросают, — продолжает Олег. — Я нашёл тебя тогда. И сейчас найду выход. Что бы ты ни сказал, что бы ни вспомнил, рядом буду я.

— А Полина теперь тоже «своя»? — спрашивает Костя.

Олег не отвечает сразу. За стойкой продавщица снимает с гриля засохшие булочки, металлический поддон звякает, и сын вздрагивает от резкого звука.

— Она мать твоего брата или сестры, — наконец говорит муж. — Но ты мой сын. Ты сильнее неё, Костян. Я знаю, что ты выдержишь.

Я поднимаюсь.

— Разговор окончен.

— Я не закончил, — Костя говорит громче и тут же хватается за висок. — Мам, хватит за меня решать.

Я сажусь обратно, потому что иначе сделаю то же самое, в чём обвиняю Олега. Сын долго смотрит на стол, потом спрашивает отца, что именно ему грозит.

— Ничего, с чем мы не справимся, — отвечает муж. — Ты несовершеннолетний. Первый случай. Я оплачу лечение Белова, найму лучших людей. Главное — не менять показания десять раз и не выглядеть лжецом.

— Это не ответ, — говорю я.

— Это всё, что Косте сейчас нужно знать.

Сын закрывает лицо ладонями. Я вижу, как между паль-

цев выглядывает край больничного браслета, и больше не могу сидеть.

— Пойдём. Тебе нужен покой.

На этот раз Костя встаёт. Олег передаёт ему пакет, но сын не берёт, и я забираю вещи сама.

— Я позвоню вечером, — говорит муж ему вслед. — И запомни: я никуда не исчезну.

В квартире Иры пахнет закрытыми окнами и кошачьим кормом, хотя кота дочь забрала. Костя почти сразу ложится. Я ставлю возле кровати воду, таблетки по назначению врача и таз, который нахожу в ванной. Сын ворчит, что не собирается умирать, но таз не убирает.

Когда он засыпает, я открываю ноутбук на кухне. Женщину-адвоката по семейным делам рекомендует Марк. Мы говорим по видеосвязи. Она объясняет, какие документы нужны, как сохранить сведения об активах и почему не стоит предупреждать Олега до подачи.

— Вы уверены? — спрашивает она в конце. — Сейчас у вас кризис. Некоторые клиенты через неделю меняют решение.

Я смотрю на Костин пакет. Из него торчит серая куртка, разрезанная медиками от воротника до кармана.

— Уверена. Готовьте заявление.

Подписываю документы электронной подписью в половине второго ночи. Не угрожаю мужу и не пишу ему длинного сообщения. Отправляю только копию уведомления о подаче.

Олег звонит сразу. Я сбрасываю. Второй вызов тоже. На третий из комнаты выходит Костя, придерживая ладонью стену.

— Вы разводитесь из-за меня?

— Из-за решения твоего отца. Ты тут ни при чём.

— Если бы я не приехал к нему, ничего бы не было.

— А если бы пошёл дождь на пять минут позже? Если бы тот мужчина выбрал другую дорогу? Кость, ты не обязан искать точку, в которой мог отменить поступки взрослых.

Костя тянется к стакану и промахивается. Я переставляю воду ближе, но сын отказывается от неё и показывает на чужой холодильник, увешанный магнитами.

— Мы теперь тут живём?

— До конца недели. Потом сниму квартиру поближе к школе и съезжу за нашими вещами.

— За моими тоже? — Он всё-таки садится, щурясь от света ноутбука. — То есть домой я больше не вернусь.

— Вернёшься, если сам захочешь. Олег не перестал быть твоим отцом из-за моего заявления.

Костя хмыкает и пододвигает ноутбук к себе. Читает фамилии, дату, несколько раз возвращается к моей подписи. Я замечаю, как он считает исчезнувшие за один вечер вещи: отец, дом, обычный выпускной год. Потом сын закрывает экран, будто именно он мешает собрать всё обратно.

— Мам… а если я признаюсь, папа правда сможет всё исправить?

Глава 7. Полина была за рулём

— Не знаю, — отвечаю я.

Костя явно ждал другого. Он откидывается на спинку стула и смотрит в сторону, но я не позволяю себе заменить правду удобным обещанием.

— Папа говорит, что знает.

— Твой отец не может заранее знать решение следователя или суда. Марк объяснит риски ещё раз, когда у тебя перестанет болеть голова. До этого ничего не меняй только потому, что хочешь вернуть всё как было.

— А ты развод можешь не менять?

Вопрос попадает точно. Я закрываю ноутбук окончательно и прошу сына лечь. Он уходит, не ответив на пожелание спокойной ночи. За стеной долго скрипит кровать, потом наступает тишина.

Следующие два дня состоят из звонков, лекарств по часам и поездок. Я снимаю небольшую квартиру, привожу одежду из дома в тот час, когда Олег находится в офисе, договариваюсь со школой о дистанционных заданиях. Костя быстро устаёт, злится, что я спрашиваю о головной боли, и всё равно каждый раз проверяет телефон после сообщения отца.

На третий день Марк просит приехать к нему. Костя остаётся у Иры — она приносит суп в трёх контейнерах и обещает не выпускать его даже в магазин.

В переговорной меня ждёт ноутбук с остановленным видео. Марк садится рядом, его помощница закрывает жалюзи, чтобы солнце не бликовало на экране.

— Получили запись с подземного паркинга офиса, — говорит он. — Посмотрите.

На видео указано время: двадцать один час три минуты. Машина Олега выезжает из ряда. Полина подходит со стороны лифта, открывает водительскую дверь. Костя бросает рюкзак назад и садится справа. Камера снимает сверху, лица различимы плохо, но куртку сына и светлое пальто женщины я узнаю.

— Это она, — я наклоняюсь к экрану. — Она ведёт.

— На выезде — да.

Марк перематывает назад и снова запускает фрагмент. Теперь я слежу не за Костей, а за Полиной. Она что-то резко говорит по телефону, садится за руль, почти захлопывает дверью край пальто и раздражённо вытаскивает ткань.

— Можно это отдать следователю сегодня?

— Уже передали с ходатайством. Запись хорошая и важная.

Улыбка появляется раньше, чем я вспоминаю его привычку не обещать. Марк замечает и делает паузу.

— До места ДТП двадцать с лишним минут пути. Версия Олега предполагает остановку после заправки примерно в середине маршрута. Паркинг доказывает, что поездку начала Полина. Кто закончил — пока нет.

— Но она солгала, когда сказала, что Костя сразу был водителем.

— Она так не говорила. В первичном объяснении указано: выехала сама, позже передала управление.

Я встаю и прохожу к окну. Внизу курьер безуспешно пытается запихнуть коробку в багажник маленькой машины. Даже эта бытовая нелепость раздражает: у всех людей день продолжается, а у нас любой хороший факт успевает состариться за минуту.

— Значит, Олег составил историю аккуратно.

— Или Полина действительно передала руль, — напоминает Марк. — Нам нельзя забывать и этот вариант.

Телефон на столе звонит. Помощница отвечает, записывает что-то и протягивает Марку листок. Он читает, затем включает громкую связь с моего разрешения. Звонит следователь, теперь делом занимается капитан Воронцова.

— Запись получила, — сообщает Воронцова. — Соколова не отрицает, что выезжала сама. Говорит, дальше мальчик начал просить руль и они поменялись после заправки. Назвала карман возле щита с мебелью.

Марк открывает карту. Щит действительно стоит за заправкой; за ним начинается расширение дороги, наполовину спрятанное за ещё голыми деревьями.

— Камера с колонок туда достаёт? — спрашивает он.

— Нет. Видит выезд, потом машина уходит из кадра.

Я подаюсь ближе к телефону.

— Там же шиномонтаж и склад. У них должны быть свои камеры.

Воронцова замолкает. Слышно, как кто-то в её кабинете просит подпись и получает резкое «на стол положите».

— Дарья Андреевна рядом с вами, Марк Сергеевич?

— Да. Громкую связь включил с её согласия.

— Тогда, Дарья Андреевна, не начинайте обзванивать владельцев сами. У шиномонтажа камера сломана, складской архив успел перезаписаться. Оригинал с заправки изымаем, хотя кармана на нём нет.

Я всё равно переписываю названия. После звонка нахожу панораму и кручу изображение: грязный съезд, рекламный щит, кусты, контейнер за сетчатым забором. Остановиться там можно. Только возможность остановки ещё не превращает рассказ Полины в правду.

— Белый фургон мог проехать следом и увидеть этот карман, — напоминаю я.

— Мог, — Марк приближает снимок, пока синий кусок логотипа не расплывается. — Но сначала нам надо найти именно его. По этим двум буквам полгорода ездит.

Я звоню знакомому из рекламного агентства, отправляю фрагмент борта без объяснений и прошу вспомнить похожие знаки. Он обещает спросить дизайнеров. Потом перебираю каталоги служб доставки сама. Синих полукругов оказывается больше, чем я ожидала: вода, прачечные, продукты, техника.

К вечеру Костя просит показать запись паркинга. Марк разрешает, предупредив не воспринимать её как окончательный ответ. Сын смотрит дважды. На втором просмотре ставит паузу в момент, когда Полина садится за руль.

— Я же говорил.

— Говорил, — отвечаю я. — И теперь есть подтверждение начала поездки.

— Почему ты всегда добавляешь что-то после хорошего?

— Потому что не хочу делать как папа.

Костя захлопывает ноутбук сильнее, чем нужно, и уходит к себе. Через несколько минут возвращается, открывает его снова и спрашивает, где именно Полина утверждает, что они поменялись. Мы вместе смотрим карту. Он не помнит остановки, но после сотрясения сам себе не верит.

На следующий день Воронцова вызывает нас на беседу. В кабинете душно, возле батареи сохнут чьи-то перчатки. Следователь показывает распечатанный кадр с заправки: автомобиль проезжает мимо выезда. Через лобовое стекло водитель не различим.

— Камера карман не захватывает, — говорит она. — Между этим кадром и аварией восемь минут. Остановиться они успевали.

— И не остановиться тоже, — отвечаю я.

Марк касается пальцем моего блокнота, напоминая не спорить вместо Кости. Сын даёт свою версию коротко и честно: Полина ехала всё время, он не пересаживался, полного

участка после заправки не помнит. Воронцова спрашивает об автошколе, поездках с отцом, умении управлять машиной. Костя начинает злиться, но Марк просит перерыв раньше, чем злость превращается в неосторожную фразу.

Мы уже собираемся уходить, когда в коридоре появляется незнакомый мужчина лет сорока. Куртка расстёгнута, в руках кепка и прозрачный файл с бумагами. Рядом идёт Громов.

— Евгений Карпов, — представляется мужчина следователю. — Я по объявлению об аварии. Позавчера только увидел, а тогда не связал.

Воронцова приглашает его войти. Марк просит нас не задерживаться, но дверь кабинета остаётся приоткрыта, пока секретарь ищет стул. Карпов мнёт козырёк кепки и смотрит на фотографию машины, лежащую у следователя.

— Я их видел, — произносит он. — Парень действительно пересел за руль.

Глава 8. Свидетель

Костя разворачивается так резко, что плечом задевает косяк.

— Он врёт. Мам, я этого человека не знаю.

Карпов выглядывает из кабинета. Наши взгляды встречаются, и мужчина первым отступает за дверь. Воронцова выходит следом и просит не мешать опросу.

— Вы слышали одну фразу, — говорит она. — Её ещё предстоит проверить.

— Пусть посмотрит Косте в лицо и повторит, — требую я.

Марк встаёт между мной и кабинетом. Он не касается меня, но пройти, не толкнув его, невозможно.

— Дарья Андреевна, сейчас мы уходим.

— Там человек обвиняет моего сына.

— Именно поэтому не давайте ему возможность потом заявить о давлении. Костю в машину, сами — со мной.

Я ненавижу его спокойствие почти так же, как спокойствие Олега, однако замечаю разницу: муж требовал послушания, скрывая свои действия. Марк объясняет причину даже тогда, когда на объяснение нет времени.

Костя ждёт нас на парковке. Он ходит вдоль машины, считая трещины в асфальте, и повторяет, что никакого Карпова не видел. Я хочу сказать, что мы сейчас разнесём его ложь по кускам, но Марк успевает открыть заднюю дверь.

— Сядь. На улице холодно.

— Я не ребёнок.

— Тогда тем более не стой под дождём без куртки, — отвечает адвокат. — Свидетель не обязан быть знаком с тобой, чтобы видеть машину. Мы проверим, где он находился и почему пришёл только сейчас.

В офисе Ланского я получаю копию протокола не сразу. До этого проходят запросы, звонки, официальные согласования. Ожидание хуже самой бумаги. Когда документ появляется, Марк читает вслух только факты.

Евгений Карпов ехал от клиента. У заправки остановился ответить на звонок. Видел дорогой тёмный автомобиль в кармане, рядом женщину в светлом пальто и молодого парня. Женщина пересела на пассажирское место, парень — за руль. Номер машины Карпов не запомнил, но узнал повреждённый автомобиль в сюжете о ДТП.

— Он даже одежду описал, — шепчет Костя.

— Твою куртку показывали в новостях, — я придвигаю протокол к себе. — Пальто Полины тоже могли снять у больницы.

— Могли, — Марк подчёркивает слово ручкой. — Но пока это предположение. Геолокация телефона Карпова подтверждает, что он находился возле заправки. Звонок в указанное время тоже был.

— Кому?

— Заказчику. Тот подтвердил разговор и то, что Карпов

жаловался на машину, перегородившую карман.

Я перечитываю строчку. Деталь с раздражением кажется слишком живой для заученной лжи.

— Значит, он действительно там был.

— Похоже на то. Теперь выясняем, что именно видел.

Костя встаёт и проходит к двери переговорной. Я зову его, но он оборачивается сердито.

— Что ещё выяснять? Вы мне тоже уже не верите.

— Вера не отменит геолокацию, — говорит Марк. — Если я начну отбрасывать неудобные факты, от меня будет меньше пользы, чем от адвоката твоего отца.

— А от мамы? Она хотя бы знает, что я не врал.

Я подхожу к сыну. Он ждёт, что я встану против Марка, и мне тяжело не дать ему этого облегчения.

— Я тебе верю. Но Карпов реальный человек, который оказался в реальном месте. Нам нужно понять, зачем он говорит остальное.

— А пока все будут считать, что я вру.

Костя выходит. Через стеклянную стену видно, как он садится в кресло у секретаря и натягивает капюшон почти до носа.

— Можно было мягче, — говорю я.

— Можно. Но ему придётся выдерживать вопросы, которые будут жёстче моих. — Марк снимает очки и кладёт на протокол. — Я не предлагаю оставлять его одного. Я предлагаю не обещать победу раньше проверки.

Он поручает сотрудникам собрать всё по Карпову: работу, долги, связи, транспорт, контакты после аварии. Я прошу дать мне фамилию работодателя и название его небольшой фирмы.

— Вы не будете ему звонить, — предупреждает Марк.

— Не буду. У Олега сотни подрядчиков. Я одиннадцать лет слушала дома разговоры о тендерах, складах и людях, которым он доверяет. Возможно, узнаю связь быстрее вашего поиска.

Марк записывает названия и разворачивает лист ко мне.

— Проверяйте только открытое и то, к чему у вас есть законный доступ. Никаких сообщений сотрудникам мужа с выдуманными предлогами.

— Вы всем клиентам так мешаете жить?

— Тем, которые после одной фамилии готовы сами допрашивать свидетеля, — обязательно.

Я забираю лист. В коридоре Костя уже разговаривает по телефону. По тому, как он выпрямляется, понимаю: звонит Олег.

— Да, появился какой-то мужик, — говорит сын. — Нет, я не видел его. Пап, зачем ты спрашиваешь, верю ли я маме?

Я останавливаюсь, но не вырываю телефон. Костя слушает, стискивая свободной рукой шнурок капюшона.

— Она ничего не придумывает. Я правда был справа… Не знаю. Я не знаю, почему он это говорит.

Олег говорит долго. Костя постепенно садится глубже в

кресло, потом замечает меня и отворачивается к окну.

— Хорошо. Потом, — он завершает вызов и убирает телефон. — Папа сказал, свидетель доказывает, что память меня обманывает.

— Твой отец узнал о нём раньше нас? — спрашивает Марк.

— Наверное, адвокат сказал.

Марк ничего не комментирует. Я фотографирую список названий и уже в машине начинаю перебирать старые письма. Фамилия Карпов пока ни за что не цепляется. Название фирмы — «КарпоТранс-Сервис» — кажется знакомым, но слишком похоже на десятки перевозчиков.

Вечером Олег присылает мне сообщение: «Не вздумай травить свидетеля в соцсетях. Костя этого не переживёт». Я набираю ответ, стираю и пересылаю сообщение Марку.

На следующий день Воронцова вызывает нас снова. За её спиной стоит коробка с материалами, на подоконнике остывает кофе. Она говорит с Костей без жестокости, но каждое слово придавливает его к стулу.

Перед кабинетом сын просил меня не держать его за руку. Теперь незаметно цепляет носком ботинка мою туфлю и не убирает ногу. Я оставляю её на месте. Телефон в кармане дважды вибрирует — наверняка Олег, — но я даже не смотрю. Если муж хочет узнать, как действует найденный свидетель, пусть хотя бы раз дождётся ответа, который не может организовать сам.

— Запись с паркинга я приобщила, — Воронцова переворачивает лежащий перед ней кадр. — Только Соколова и не утверждала, что мальчик вёл от офиса. А Карпов действительно был у заправки. Это подтверждается не только его телефоном.

— Его связь с компанией моего мужа вы проверяете? — Я накрываю ладонью фотографию, не давая ей убрать лист. — Может, Олег его знает. Может, платил после аварии.

— Проверяем, — отвечает следователь и тянет снимок на себя. Бумага шуршит под моей ладонью. — Но если сегодня вы напишете в интернете, что свидетеля купили, завтра его адвокат принесёт это как давление. Не облегчайте им работу.

Костя опускает голову. Его ботинок всё ещё касается моей туфли, но теперь сын давит носком сильнее. Марк подвигает Воронцовой подготовленное ходатайство.

— Тогда прошу отдельно проверить звонки Карпова и любые финансовые отношения с группой Корнеева. Не только прямые переводы ему как физическому лицу.

— Вижу. — Воронцова подписывает лист, убирает ручку в стакан и впервые за весь разговор смотрит на меня, а не на адвоката. — Вы хотели, чтобы я говорила прямо, Дарья Андреевна? На сегодня версия вашего сына выглядит слабее версии обвинения.

Глава 9. Олег слышал аварию

Телефон в кармане снова вибрирует. На этот раз я достаю его прямо перед Воронцовой. Звонит Олег.

— Ответьте, — говорит следователь. — Только разговор не записывайте тайно и не провоцируйте его. Если хотите фиксацию, сначала обсудите с адвокатом.

Я отклоняю вызов. После её слов даже обычное «почему ты врёшь?» начинает выглядеть ловушкой, в которую могу попасть сама.

Через два дня нам предоставляют сведения о соединениях. Марк раскладывает распечатки рядом с картой маршрута, а я отмечаю цветными стикерами знакомые номера. Полина звонила Олегу после аварии — это мы знали. Но выше стоит другой разговор: входящий от мужа длился почти пять минут и оборвался в двадцать один тридцать семь.

Время столкновения по первичным данным — двадцать один тридцать семь или тридцать восемь.

— Он разговаривал с ней до удара, — говорю я. — Почти до самой секунды.

Марк не спешит соглашаться. Сверяет длительность, часовой пояс в выгрузке, время первого вызова экстренным службам. Потом обводит строку.

— Полинин телефон подключался к машине, — Марк ведёт ногтем по нужной строке. — Разговор обрывается почти

в расчётное время столкновения.

Я наклоняюсь над листом так низко, что волосы падают на цифры.

— Он слышал удар. Господи, Марк, он мог слышать, кто с ним разговаривал и откуда.

— Мог. А мог услышать помехи и грохот. Пусть отвечает сам, желательно под протокол.

— В больнице он рассказывал только о звонке после аварии. Этот куда-то не поместился.

Костя забирает распечатку и поворачивает к себе. Толстовка висит на нём свободнее, чем неделю назад; от печенья, которое я принесла из приёмной, сын отламывает край и крошит на салфетку.

— Они ещё до этого говорили, — произносит он. — Полина включила связь почти сразу после выезда.

Марк не хватается за ручку. Ждёт, пока Костя сам продолжит.

— Папа спросил, забрала ли она меня. Потом сказал… — Сын кривится и толкает тарелку. — Не знаю что. «Не сейчас», наверное. Или «потом». Они ругались, короче.

— «Не сейчас» ты помнишь или предполагаешь? — уточняет Марк.

— Я же сказал: не знаю! — Костя смахивает крошки и сразу собирает их обратно ладонью. — Голос её помню, дворники, фары. А слова то есть, то нет. Чем больше спрашиваете, тем меньше я вообще уверен.

Он берёт со стола карту и проводит пальцем от офиса к заправке. Сначала вспоминает, где Полина перестроилась, затем — как ругалась на дворники. В одном месте Костя уверенно ставит крестик, но через минуту стирает: оказывается, перепутал аптеку с похожей вывеской на другой улице.

— Я ведь ничего не придумал про правое сиденье, — говорит он мне, не поднимая головы. — Ремень тянул слева направо. И телефон заряжал от разъёма возле двери.

— Такие детали тоже запишем, — Марк подвигает блокнот, но не предлагает готовой формулировки. — Только не пытайся сегодня вспомнить всё сразу. Мозг терпеть не может пустоты и иногда честно заполняет их тем, что услышал позже.

Костя отбрасывает карандаш.

— Значит, папа может за десять раз вложить мне свою поездку в голову, а я даже не пойму?

— Может повлиять. Как и мама, как новости, как мои вопросы. Поэтому дальше о деталях аварии разговариваем только тогда, когда это нужно для дела. Если что-то всплывёт само — запиши время и обстоятельства, но не обсуждай со всеми подряд.

Сын ворчит, что скоро ему запретят думать без адвоката. Всё же фотографирует карту и уходит к окну. Я собираю крошки от нетронутого печенья в салфетку. Олег добивается своего даже на расстоянии: теперь Костя подозревает каждое собственное воспоминание.

Марк просит не выдавливать память. Мы направляем вопросы Воронцовой и дожидаемся официального вызова Олега.

Он приходит в сопровождении Андрея Павловича. В кабинете следователя муж выглядит так, будто явился на сложные переговоры: тёмный костюм, свежая рубашка, папка с закладками. Даже садится не на предложенный стул, а на соседний, чтобы видеть и нас, и Воронцову.

— Почему вы первоначально не сообщили о разговоре с Полиной Соколовой во время движения? — спрашивает следователь.

— Не счёл важным. Мы говорили по рабочему вопросу. За рулём в тот момент находился сын, Полина была пассажиром и использовала автомобильную связь.

— Вы слышали момент столкновения?

Олег чуть поворачивает голову к адвокату. Тот едва заметно кивает.

— Услышал резкий звук, связь пропала. Сначала решил, что технический сбой. Потом Полина перезвонила и сказала об аварии.

— Что вы обсуждали перед разрывом связи?

— Работу.

Я знаю мужа достаточно, чтобы услышать за коротким ответом отказ. В рабочих спорах Олег всегда охотно объясняет, кто не выполнил задачу. Здесь не называет даже тему.

— Полина говорит то же самое? — спрашиваю я.

Андрей Павлович сразу вмешивается:

— Дарья Андреевна не является участником опроса моего доверителя.

— Я мать обвиняемого им сына, — отвечаю я. — И хочу знать, почему он спрятал разговор, который слышал до аварии.

Олег поворачивается ко мне.

— Я ничего не прятал. В ту ночь у меня был разбитый ребёнок на дороге. Хронологию рабочих звонков я не перебирал.

— Зато успел определить водителя.

Воронцова просит нас прекратить спор и возвращает Олегу вопрос. Он поясняет, что Полина жаловалась на задержку отчёта, он попросил не обсуждать дела при Косте. Разговор оборвался внезапно. Никаких слов, указывающих на положение Полины в машине, не слышал.

После опроса муж догоняет нас в коридоре.

— Костя, подожди. Я хочу отвезти тебя домой.

Сын не останавливается. Олег берёт его за плечо, и тот вздрагивает сильнее, чем требует прикосновение.

— Пап, ты слышал удар?

— Да. — Муж отпускает его и поправляет ремень сумки, который сбился на рукав. — Если бы понимал, что это, вызвал бы помощь сразу.

— Вы о чём спорили?

— Не спорили. Полина нервничала из-за работы.

Костя смотрит на него, потом на меня. В коридоре хлопает дверь, кто-то смеётся возле лифта, и в этот обычный шум сын вдруг произносит:

— Она злилась не из-за работы.

Олег становится внимательнее.

— У тебя после сотрясения всплывают обрывки. Не пытайся соединять их ради мамы.

— Я не ради мамы.

— Тогда ради кого? Ради этого адвоката, который заставляет тебя сомневаться в собственной памяти?

Марк до сих пор не вмешивался. Теперь он просит Олега не обсуждать показания с Костей. Муж усмехается и отходит на шаг, но сын уже сердится.

— Это ты всё время говоришь, что я не помню. А я помню, как она вела. Помню, что вы ругались.

— Мы не ругались, — Олег произносит каждое слово отдельно. — Полина сидела справа и говорила со мной. Ты следил за дорогой. Потом пошёл на обгон.

Костя закрывает глаза. Я хочу остановить разговор, но он поднимает ладонь, не позволяя мне вмешаться. Несколько секунд сын стоит, прислонившись к стене. Потом открывает глаза и смотрит не на отца — на Марка.

— Она сказала ему: «Я сейчас вообще-то за рулём».

Марк замирает с телефоном в руке.

Глава 10. Наш сын совершил ошибку

— Дословно? — спрашивает Марк.

Костя кивает, но тут же морщится.

— Кажется. Нет… именно так. Она ещё посмотрела в зеркало на меня и убавила звук.

Олег коротко смеётся, хотя ни у кого на лице нет даже намёка на улыбку.

— Удобное воспоминание. Особенно после того, как мать несколько дней повторяет, что Полина была водителем.

Я становлюсь рядом с сыном.

— Я ни разу не рассказывала ему, что вы говорили по телефону. Потому что сама узнала только сегодня.

Муж замечает, как Воронцова открывает дверь кабинета, и меняет тон.

— Даша, я понимаю, почему ты цепляешься за любую фразу. Но Костя только что сказал «кажется». Нельзя заставлять его строить защиту на том, в чём он не уверен.

— Это решит следствие, — Марк набирает сообщение помощнику. — Константин изложит воспоминание в нормальных условиях, без подсказок от нас и от вас.

Олег уходит первым. Утром меня будит не будильник, а семь сообщений от Иры. В шестом одна ссылка, в седьмом:

«Даша, только Косте пока не показывай».

Я открываю материал на кухне. Заголовок занимает половину экрана: «Сын владельца логистической империи без прав устроил тяжёлое ДТП». Под ним фотография нашей машины, дальше возраст Кости, состояние Андрея Белова и слова неизвестного «источника, близкого к семье». Полина уместилась в одну строчку. Пассажирка, незначительные травмы.

— Что там? — Костя появляется в дверях босиком.

Я не успеваю перевернуть телефон. Он читает заголовок с двух метров и возвращается в комнату за своим.

К обеду сюжет повторяют местные новости. Журналист стоит возле мокрого перекрёстка, хотя дождь давно закончился, и рассуждает о детях богатых родителей. За его плечом показывают смятую машину, потом зачем-то наш дом — снимок из старого объявления, где ещё нет Костиной баскетбольной сетки.

Во время эфира звонит мой директор. Он спрашивает о здоровье сына, предлагает отпуск и лишь после длинной паузы добавляет, что два клиента уже узнали фамилию операционного директора.

— Если вам неловко, я передам встречи заместителю, — говорю я. — Но отчёт закончу сама. И работу не бросаю.

— Мне не неловко, Даша. Я просто должен был спросить.

Он обещает пресекать разговоры в офисе. После звонка я всё же открываю рабочую почту и отвечаю на три письма

подряд, чтобы убедиться: Олег может добраться до привычного уровня нашей жизни, но не способен одним решением отнять у меня профессию.

Следом звонит классная руководительница Кости. Она предлагает не подключаться к урокам пару дней и просит сообщить, если семье понадобится школьный психолог.

— Ему понадобятся задания и нормальное отношение, — отвечаю я. — Психолога обсудим с ним самим.

Женщина начинает уверять, что педагоги не делают выводов до следствия, но на заднем плане кто-то произносит Костину фамилию и замолкает. Я прошу пресечь травлю в школьных чатах, насколько это возможно, и только после этого иду к сыну.

— Выключи, — просит сын.

Я выключаю телевизор, но телефон у него продолжает вспыхивать. Сначала пишут одноклассники: кто-то спрашивает, правда ли; кто-то отправляет новостную ссылку без слов. Потом появляются чужие сообщения. «Убийца». «Папка отмажет». «Без прав на такой тачке, нормально устроились».

Костя удаляет одно приложение, затем второе. До школьного чата добирается позже. Там мальчик, который ещё неделю назад просил у него конспект, публикует фотографию разбитой машины и подпись: «Костян, это на экзамене парковка была?»

Сын печатает ответ. Я успеваю увидеть начало — «Я сидел

справа, придурок», — но он стирает фразу сам. Потом выходит из общего чата, и список сообщений исчезает с экрана. Через минуту одноклассница пишет ему лично: «Я тебе верю». Костя читает, ничего не отвечает и кладёт телефон дисплеем вниз.

Я предлагаю убрать телефон хотя бы до вечера. Костя отдаёт его мне, но через десять минут просит обратно: вдруг напишет врач о состоянии Белова. Оставляет только звук звонков и вздрагивает от каждого уведомления, пока я не помогаю отключить их все.

— Я позвоню классному руководителю, — говорю я.

— И что? Она запретит интернету?

Сын бросает телефон на диван, но через минуту берёт снова. В сети уже появилось заявление Олега. Муж стоит у главного входа в офис, за спиной логотип компании. Его окружают микрофоны.

«Это тяжёлое испытание для обеих семей, — говорит он. — Наш сын совершил ошибку. Мы не будем уходить от ответственности и сделаем всё, чтобы помочь пострадавшему».

Я прослушиваю дважды.

— Он назвал меня виноватым, — Костя сидит на краю дивана и держит телефон обеими руками. — Прямо сказал.

— Он сказал «ошибка», — возражаю я по привычке, и тут же ненавижу себя за попытку смягчить. — Да. По смыслу сказал.

Звоню Олегу. Он отвечает не сразу, на фоне хлопают двери и кто-то просит его вернуться к камерам.

— Ты с ума сошёл? Какое право ты имел заявлять от имени Кости?

— Я защищаю его. Если семья сразу демонстрирует готовность сотрудничать, тон меняется.

— Тон? Его травят за убийство человека, который пока жив!

— Именно поэтому не кричи журналистам, что все вокруг врут. Мы не знаем, чем закончится лечение Белова. Нужно показать ответственность, а не богатого мальчика, которого мама учит выкручиваться.

Костя слышит каждое слово. Он встаёт, подходит ко мне и включает громкую связь сам.

— Пап, удали заявление.

На линии становится тише.

— Сын, это уже в эфире. Удаление только усилит скандал. Потерпи несколько дней, я разверну публикации в правильную сторону.

— В какую правильную? Где я виноват, но хороший?

— Где ты ошибся и отвечаешь по-мужски, а не прячешься за мамой. Люди прощают честность.

Я вижу, как Костя хочет ответить, но вместо этого завершает вызов. Телефон остаётся в моей руке, экран постепенно гаснет.

Марк приезжает вечером. Он требует от пресс-службы

Олега не распространять утверждения о виновности Кости, фиксирует публикации и объясняет, что спорить с каждым комментатором нельзя. Сын слушает у окна, повернувшись к нам спиной.

— А что можно? — спрашивает он. — Сидеть и ждать, пока отец сделает меня хорошим убийцей?

— Хотя бы не дарить им новые заголовки, — отвечает Марк. — Не оправдывайся в чатах и не соглашайся на интервью. Сейчас любой обрывок вытащат отдельно.

Костя отталкивается от окна.

— Класс. Отец выступает у микрофонов, а мне вы разрешаете тихо посидеть.

— Я не могу тебе запретить говорить. Могу объяснить, почему сегодня это опасно.

Сын смотрит на него, будто собирается продолжить спор, но на ноутбуке всплывает новое сообщение. Костя читает и вдруг садится прямо на пол возле подоконника.

Я первая подхожу. В школьном чате крутится старый ролик: сын за рулём машины Олега, уверенно проходит поворот и смеётся. Кадр тесно обрезан. Ограждение закрытой площадки исчезло, конусы тоже; остались салон, Костины руки на руле и подпись «Без прав ездил давно».

— Покажи начало, — прошу я.

— Это и есть начало. Кто-то отрезал всё до поворота.

Он отматывает видео несколько раз, словно полный кадр может вернуться от упрямства. Марк садится на корточки

рядом, но к ноутбуку не тянется.

— У кого была исходная запись?

Костя ставит ролик на паузу. На экране он улыбается человеку за камерой — широко, почти по-детски.

— Это снимал папа.

Глава 11. Это был наш день

Костя нажимает на паузу ещё раз, хотя видео уже стоит. Палец остаётся на клавише.

— Он не обязательно выложил сам, — говорит Марк. — Ролик мог храниться в облаке, семейной переписке, у сотрудников пресс-службы. Сейчас важно сохранить публикацию и найти самый ранний источник.

— А кто дал им исходник? — Сын захлопывает ноутбук. — У меня этого видео нет. Мама снимала на свой телефон другое. Этот день вообще знали только мы.

Я помню их возвращение. Костя тогда влетел на кухню, стащил котлету прямо со сковородки и заговорил с набитым ртом. Олег смеялся, рассказывал, как сын дважды заглох, а потом прошёл змейку лучше одного из новых водителей. Они спорили, кому принадлежит заслуга, и впервые за несколько месяцев муж ни разу не посмотрел на часы.

— Он забрал меня утром, — Костя открывает ноутбук и ищет в семейном чате фотографии той даты. — Сказал, на склад едем, помочь надо. Я всю дорогу ныл, что суббота. А там площадку освободили, конусы выставили. Он даже термос привёз.

На снимке две бумажные чашки стоят на капоте, рядом Олегова рука держит ключи. Лица мужа нет, но я узнаю часы, которые подарила ему на сорокалетие.

— Ты тогда позвонил мне и сказал, что задержитесь на работе.

— Папа хотел сюрприз. — Костя увеличивает следующий кадр: ограждение, жёлтые конусы, пустой асфальт. — Я потом просил скинуть ролик, а он говорил, вечером обработает. Так и не отправил. Получается, вся запись осталась у него.

Марк просит переслать фотографии, на которых видна закрытая территория. Костя делает это не сразу. Держит палец над экраном, будто вместе со снимками отдаёт нам что-то, принадлежавшее только ему и отцу. Потом файлы всё-таки уходят.

— Если найдём полный ролик, докажем хотя бы монтаж подписи, — объясняет Марк. — Но публикация показывает умение водить, а не место во время аварии. Не связывай с ней больше, чем там есть.

— Я уже понял, — огрызается сын. — У нас всё что-нибудь показывает, только ничего не доказывает.

Костя встаёт с пола.

— Я ему позвоню.

— Давай при Марке, — прошу я.

— Чтобы вы вдвоём следили за каждым словом? Нет.

Сын уходит на кухню, но дверь не закрывает. Я слышу гудки. Олег отвечает быстро, словно ждал.

— Пап, кто выложил видео с площадки?

Голос мужа не разобрать, только спокойное гудение. Ко-

стя прислоняется к столешнице.

— Оно было у тебя. Да, полная запись… Нет, не про это спрашиваю. Ты кому её отправлял?

Я подхожу к двери, но остаюсь в коридоре. Марк рядом не встаёт; собирает со стола документы и даёт нам говорить без свидетеля.

— Какое расследование? — Костя повышает голос. — В чатах пишут, что я давно ездил без прав. Там отрезали площадку. Ты заявление сделал, потом ролик появился. Совпадение?

Олег отвечает дольше. Сын перестаёт опираться на стол и ходит по маленькой кухне от окна к холодильнику.

— Я не обвиняю, я спрашиваю… А кто ещё должен был меня защитить? Мама? Она и так…

Он замечает меня и отворачивается.

— Не переводи на неё. Скажи, ты дал видео журналистам?

Снова тишина с той стороны. Костя включает громкую связь не предупредив. Голос Олега заполняет кухню.

— Я передал материалы людям, которые помогают исправить картину в прессе. Полный ролик показывает, что ты учился на закрытой территории. Если кто-то обрезал кадр, я разберусь.

— То есть ты всё-таки отдал.

— Чтобы тебе помочь. Дай мне закончить работу, а не устраивай допрос по подсказке матери.

Я захожу на кухню.

— Не прикрывайся мной. Костя сам увидел, что из его счастливого дня сделали обвинение.

Олег замолкает. Потом обращается только к сыну:

— Помнишь, как мы туда ездили? Ты всю дорогу ныл, что я не доверяю тебе машину. А через полчаса уже нормально вёл.

Костя опускается на стул. В его лице на секунду появляется тот летний восторг, который остался на видео.

— Ты сказал, что я чувствую её лучше половины твоих водителей.

— Потому что так и было. Я гордился тобой. И сейчас горжусь, даже если ты ошибся. Один поступок тебя не определяет.

— Я не совершал этот поступок.

— Тогда почему свидетель видел тебя за рулём? Почему ты помнишь отдельные фразы, но не можешь восстановить дорогу? Костян, я не враг тебе. Я единственный, кто сейчас пытается провести тебя через это без истерики.

Сын накрывает свободное ухо ладонью, будто так легче удержать только голос отца.

— Ты сам сказал журналистам, что я виноват.

— Я сказал, что семья не бежит от ответственности. Посмотри, что делает мама: развод, новый адвокат, обвинения Полины. Она хочет наказать меня и не замечает, как толкает тебя в историю, где каждое изменение показаний выглядит ложью.

— Хватит, — говорю я. — Ты больше не будешь обсуждать со своим сыном дело без адвоката.

— Даша, отойди от телефона.

Костя отключает громкую связь, прежде чем я отвечаю. Теперь слышит только он. Несколько раз пытается перебить отца, затем перестаёт.

— Какой ребёнок? — спрашивает сын очень тихо. — Ты уже знаешь кто?

Я не слышу ответа, но вижу, как меняется Костино лицо. Он спрашивает о сроке, о здоровье Полины, зачем она ехала после больницы домой одна. Олег наконец говорит о будущем малыше не как о доводе, а как отец. Наверное, рассказывает то, что уже представлял сам: имя, комнату, новую жизнь.

— А что будет с ним, если Полина признается? — Костя крошит ногтем край столешницы. — Правда могут забрать её?

Муж отвечает. Сын поднимает на меня глаза, и я понимаю, что сейчас Олег снова обещает простое решение.

— Но Марк сказал, что и мне может быть серьёзно… Пап, Андрей Белов ещё в реанимации.

Голос в трубке становится настойчивее. Костя долго молчит.

— Я люблю тебя, — наконец произносит он. — Но это не значит, что я должен сказать неправду.

Олег отвечает сразу. Сын вздрагивает, словно услышал

пощёчину.

— Ладно, — выдыхает он. — Потом поговорим.

Вызов заканчивается. Костя кладёт телефон рядом с сахарницей и сидит, уставившись на чёрный экран.

— Что он сказал?

— Ничего.

Я не давлю. Наливаю чай, ставлю чашку перед ним. Сын обхватывает её ладонями, но не пьёт.

Марк появляется в дверях через несколько минут. Он сообщает, что публикацию сохранили и направят требование об удалении ложной подписи. Потом спрашивает Костю, хочет ли тот записать содержание разговора. Сын отказывается.

— Это был наш день, — говорит он вдруг. — Папа редко мог вот так целиком. Без звонков, без офиса. Я думал, у меня потом тоже будет сын и я его научу.

Я сажусь рядом. Костя не отстраняется, когда касаюсь его плеча, но и не поворачивается.

— Видео не отнимет у тебя сам день.

— Уже отняло. Теперь все смотрят и видят, что я умею водить. А я вижу папу за камерой и не понимаю, он тогда правда радовался или тоже что-нибудь решал.

— Тогда радовался, — отвечаю я. — Не надо отдавать ему и прошлое. Он сделал это сейчас.

Марк уходит, оставив нам номер сотрудника на случай новых публикаций. Ночью Костя несколько раз выходит на кух-

ню. Под утро я нахожу его на диване с открытым телефоном. На экране — переписка с отцом, длинные сообщения, которые сын то набирает, то стирает.

— Мам, — говорит он, не глядя на меня. — Папа сказал: если мне дорог он и мой будущий брат или сестра, я перестану всё отрицать.

Глава 12. Костенька выдержит

Я сажусь на край дивана. Костя сразу гасит экран, будто жалеет, что рассказал.

— Он не имеет права ставить любовь условием твоей лжи.

— А вдруг он не врёт? — Сын трёт ладонями лицо. — Вдруг я правда чего-то не помню, а вы с ним просто тянете меня каждый в свою сторону?

— Я прошу только не признавать того, чего ты не делал.

— И развожусь, нанимаю адвокатов, ухожу из дома. Всё из-за того, чего я не делал.

Я уже открываю рот, когда кто-то долго и сердито звонит в дверь: нажимает кнопку, отпускает и тут же жмёт снова. Семь утра. На площадке стоит Валентина Петровна, мать Олега, в дорожном пальто поверх домашнего платья. Платок сполз на ухо, из пакета торчат крышки контейнеров.

— Костя у тебя? — Она пытается войти одновременно с сумкой и застревает в узком проёме. — Да подвинься, Даша, господи.

Сын выходит на шум. Свекровь бросает сумку, пакет ударяется о тумбу, и тёплый бульон течёт из-под плохо закрытой крышки прямо в обувь. Валентина Петровна наступает в лужу, не замечая, и прижимается лицом к Костиной толстовке.

— Дай посмотрю. Ну повернись, Костенька. — Она ощупывает его плечи, осторожно касается кожи возле пластыря.

— Живой ты мой. Олег сказал, ничего страшного, а я места себе не нахожу.

Костя сперва держит руки вдоль тела, потом всё-таки обнимает бабушку. Я вытаскиваю из-под её ботинка расплющенный контейнер и иду за тряпкой. Валентина Петровна каждое лето забирала внука к себе, ругалась с Олегом из-за перегруженного расписания и хранила даже Костины молочные зубы. Она любит его без всякого «но». По крайней мере, я думала так до тех пор, пока свекровь не усаживает сына на кухне.

— Папа всё уладит, — шепчет она, растирая Костину ладонь. — Ты маму пока не слушай, она на него сердится и сама не своя.

Я выжимаю тряпку над раковиной. Вода пахнет куриным супом.

— И вам доброе утро, Валентина Петровна.

Свекровь оглядывается. На её лице появляется виноватое выражение человека, который собирался говорить за спиной, а обнаружил меня в собственной кухне.

— Дашенька, не начинай. Я всю ночь ехала. Олег рассказал, что вы тут творите.

— Всё рассказал? Про Полину тоже?

Она поджимает губы и начинает распаковывать еду. На столе появляются сырники, котлеты, пирог — всё, что любит Костя.

— Ребёнок уже есть. Что теперь, на улицу её выбросить?

Олег виноват перед тобой, пусть отвечает как муж. Но Костю зачем в эту грязь тащить?

— Его туда посадил ваш сын, когда назвал водителем.

— Костенька сам ещё не знает, что помнит. Олег сказал, адвокаты всё смягчат. Он несовершеннолетний, первый раз, семья Белова получит лечение и помощь. А Полину если закроют… она беременная, Даша.

Костя ковыряет вилкой сырник. Свекровь видит, что он слушает, и придвигается ближе.

— Ты крепкий у нас. Всегда был. Помнишь, руку сломал в лагере и даже не заплакал? А эта женщина сейчас одна, ребёнка носит. Папа тебя не бросит. Мы все рядом будем.

— Я плакал, — говорит Костя. — В медпункте. Просто вам потом не рассказал.

Валентина Петровна на секунду теряется, потом гладит его по волосам.

— И правильно. Перетерпел ведь. Всё зажило.

Я убираю её руку с головы сына.

— Уголовное обвинение не перелом. И ваш Олег не знает, чем закончится дело.

— Знает. Он никогда нас не подводил в серьёзном. Когда у покойного отца операция была, кто врачей нашёл? Когда квартиру сестре возвращали, кто суд выиграл? Если он сказал, что вытащит Костю, вытащит.

— А если нет?

Свекровь торопливо крестится.

— Не каркай при ребёнке.

Костя отодвигает тарелку.

— Бабуль, папа сказал, Полина была за рулём или я?

Она избегает его взгляда, складывая пустые контейнеры один в другой.

— Я там не была. Откуда мне знать? Но если даже ты ошибся, разве мы от тебя отвернёмся? Никогда. Вот мама сейчас развод затеяла, чужого адвоката привела, а мы тебя не бросим.

— Мама тоже не бросает.

— Я не говорю, что бросает. Она от страха мечется и на Полину злится. Ей больно как женщине, понятно. Только ты не должен становиться оружием в их разводе.

Фразы Олега звучат из её рта почти дословно. Он подготовил не только прессу и адвоката — привёз к сыну человека, чья любовь не вызывает сомнений.

— Вы приехали попросить внука оговорить себя? — спрашиваю я.

— Я приехала обнять его!

Валентина Петровна вскакивает, опрокидывает вилку. Та падает на кафель, Костя зажимает уши от звона.

— И сказать, что он выдержит, — продолжаю я. — Потому что Полина, которую вы никогда не видели, якобы не выдержит. Вам объяснили, что отсутствие прав может ухудшить положение? Что пострадавший до сих пор между жизнью и смертью?

— Хватит его пугать! — Свекровь наконец повышает голос. — Олег сказал, почти ничего не будет. А ваш адвокат специально раздувает, чтобы денег больше взять.

Костя отодвигает стул. Мы обе замолкаем, но поздно.

— Если всё можно решить, зачем ты вообще разваливаешь нашу жизнь? — спрашивает он у меня.

— Я не разваливаю. Я пытаюсь не дать отцу решить за тебя.

— А сама не решаешь? Ты даже домой меня не спросила, хочу ли я. Сразу адвокат, квартира, развод. Теперь бабушка орёт, папа через новости со мной разговаривает. В школе считают убийцей. Может, если бы ты не начала войну, всё правда уже решалось бы?

Я заставляю себя не оправдываться. Костя говорит жестоко, но под глазами у него серые круги, а сырник так и остался разломанным на мелкие куски.

— Скажи, чего хочешь ты.

— Чтобы всё закончилось.

— Этого я не могу обещать сегодня.

— Папа может.

Сын встаёт и уходит в комнату. Валентина Петровна вытирает щёки, потом начинает собирать еду обратно, словно своим приездом уже причинила достаточно.

— Я не хотела против тебя, Даша, — шепчет она. — Он мой сын. Костя мой внук. И тот малыш тоже. Я не понимаю, как выбирать.

— Не выбирайте. Просто перестаньте требовать, чтобы Костя выбрал себя последним.

Она остаётся до вечера. Готовит, меняет постельное бельё, рассказывает внуку новости из семьи. Ни разу больше не просит признаться прямо, но каждые несколько часов повторяет: отец справится, адвокаты помогут, Костенька крепкий.

За ужином она подкладывает ему вторую котлету. Костя отказывается, тогда Валентина Петровна разрезает её пополам и оставляет половину на краю тарелки — так же делала, когда он был маленьким. Сын машинально съедает. Я замечаю её короткую улыбку и понимаю, почему Олег отправил именно мать: давление, которое пахнет домашними котлетами и знакомым кремом для рук, труднее назвать давлением.

Когда Костя уходит в душ, свекровь задерживает меня у мойки.

— Ты ведь работаешь, не пропадёшь, — говорит она, вытирая одну и ту же чашку. — Олег квартиру оставит, денег даст. Ну побесишься, разведётесь. А у Полины всё только начинается.

— Значит, и вы уже решили, что я выдержу.

— Я не это имела в виду. — Она торопливо ставит чашку и раскалывает блюдце о край мойки. — Господи, всё из рук. Я просто верю сыну. Он сказал: Косте реального ничего не грозит.

— Марк сказал обратное. Хотите, он объяснит вам лично?

Валентина Петровна отказывается слишком быстро. Ей легче доверять Олегу, которого она вырастила, чем чужому адвокату с плохими новостями. Мы собираем осколки молча; самый маленький она пропускает, и я накрываю его салфеткой, чтобы Костя не наступил босой ногой.

Перед сном я захожу к сыну. Он лежит в одежде, у стены заряжается телефон.

— Бабушка уедет утром, — говорю я. — Если хочешь, может остаться ещё.

— Я не знаю, чего хочу.

— Тогда ничего не решай сегодня.

Костя поворачивается ко мне. Он уже не злится — от этого его голос звучит ещё страшнее.

— Может, мне проще сказать, что это был я?

Глава 13. Очень выгодный контракт

— Нет, — отвечаю я слишком быстро.

Костя отворачивается к стене.

— Ты спросила, чего хочу я, и сразу сказала «нет».

Я сажусь на край кровати, оставив между нами достаточно места.

— Потому что «чтобы закончилось» и «оговорить себя» — разные желания. Если ты однажды действительно решишь изменить показания, сначала выслушаешь Марка и поймёшь последствия. Не от отца, не от бабушки, не от меня.

— А потом всё равно не разрешишь.

— Я буду просить не делать этого. Но врать тебе, что могу навсегда запереть семнадцатилетнего сына дома, не стану.

Утром Валентина Петровна уезжает. Костя помогает снести сумку в такси, долго обнимает бабушку и обещает звонить. Я вижу, как ему нужна её привычная любовь, и не прошу выбирать между нами даже после вчерашнего.

Сама еду в старый дом за рабочими документами. Олега нет. Домработница открывает дверь и старательно не спрашивает, почему я складываю одежду в коробки. В кабинете мужа всё осталось как прежде: ровные стопки папок, семейная фотография, тяжёлая ручка в подставке. Мне нужен ар-

хив по общим активам для адвоката, но фамилия Карпова не выходит из головы.

Много лет назад я помогала Олегу наводить порядок в первых договорах. Потом его группа выросла, появился финансовый отдел, и доступы изменились. К закрытой системе компании я не полезу — Марк запретил, да и пароль мужа мне неизвестен. Зато в шкафу лежат старые папки с подрядчиками, которые Олег когда-то забрал домой после переезда офиса.

«КарпоТранс-Сервис» находится в третьей коробке. Небольшая фирма поставляла запчасти и брала отдельные перевозки. На заявке стоит подпись Олега пятилетней давности, ниже фамилия владельца: Карпов Евгений Михайлович.

В папке есть и претензия: однажды Карпов сорвал срок, потому что у него сломались сразу две машины. Олег собственноручно написал на полях «последний шанс» и всё-таки продлил договор ещё на квартал. Значит, фамилию он мог помнить, даже если сейчас скажет, что не знает каждого подрядчика.

Я открываю старую почту, к которой у меня сохранился собственный доступ. В ней только те документы, что Олег когда-то пересылал мне для сверки, никакой закрытой переписки компании. Нахожу счета, письмо Карпова с извинениями и фотографию команды после первой удачной поставки. На снимке Евгений стоит в дальнем ряду рядом с Сафроно-

вым. Лица маленькие, но подписи под фотографией есть.

От этого кадра хочется немедленно позвонить свидетелю и спросить, сколько стоит его память. Я уже набираю номер из старого письма, потом вспоминаю предупреждение Марка и удаляю цифры. Вместо звонка фотографирую экран вместе с адресной строкой и датой пересылки.

Я фотографирую каждый лист на столе рядом с сегодняшней газетой, затем звоню Марку.

— Нашла связь. Его фирма работала с группой Олега.

— Старые документы законно находятся у вас?

— В совместном доме, в незапертом шкафу. Я не вскрывала сейф и не заходила в корпоративную систему.

— Ничего не забирайте. Сделайте общие снимки места и передайте копии. Дальше проверим официально.

— Вы могли хотя бы раз сначала сказать «молодец».

— Могу. Молодец. Теперь отойдите от шкафа и не звоните Карпову.

Я закрываю дверцу и только тогда замечаю Олега в проёме кабинета. Он снял пальто, но ботинки мокрые; значит, вошёл недавно и часть разговора слышал.

— Воруешь документы?

— Фотографирую имущество в доме, где пока зарегистрирована и живу. Если считаешь это кражей, вызывай полицию.

Олег проходит к столу и видит раскрытую папку.

— КарпоТранс? Серьёзно? Ты перебираешь всех моих

бывших подрядчиков из-за свидетеля?

— Он бывший?

— Понятия не имею. В группе тысячи договоров.

Он говорит легко, однако папку закрывает и кладёт поверх ладонь.

— Почему его слова тебя так пугают?

— Меня пугает, что ты отдал ролик с Костей людям, которые превратили его в улику. Карпов пока только интересует.

— Я выяснил, кто обрезал видео. Подрядчик пресс-службы, его уволили. Полную запись уже направляют журналистам.

— После того как короткая разошлась везде.

Олег устало смотрит на меня. На столе между нами стоит фотография, где Косте двенадцать и он держит школьный кубок.

— Ты терпеть не могла разговоры о моих подрядчиках, — Олег щёлкает замком папки. — А теперь решила, что каждая накладная написана против Кости.

— Эта фамилия появилась против него сама. Я только вспомнила, где видела.

С собой я беру папку по личному счёту, две коробки одежды и зимние ботинки сына. Олег молча держит дверь, зато у калитки телефон выдаёт его сообщение: «Ничего ты не нашла». Я пересылаю Марку даже его, хотя понимаю: сообщение доказывает только раздражение.

На следующий вечер помощница Ланского присылает вы-

писку по контрактам. Я открываю её ещё в такси и пропускаю нужную строку дважды: Карпов почти год не работал с группой Олега, зато через четыре дня после аварии получил заказ сразу на полгода.

В кабинете Марка распечатываем карточку. Сумма в несколько раз больше тех, что лежали в старой папке. Формально всё скучно и прилично — обслуживание коммерческого автопарка. Ни конверта, ни платежа Евгению Карпову.

— Где приложение с расчётом? — Я перелистываю лист обратно, проверяю оборот. — Здесь одна общая цена.

Помощница заглядывает через моё плечо и обещает запросить полный пакет. Марк просит объяснить, что именно меня смущает.

— Запчасти, количество машин, нормо-часы — из чего-то сумма должна получиться. Может, приложение просто не выгрузилось. Но у нас такой договор без двух сравнительных предложений финансовый директор завернул бы мне обратно.

— Это ваши правила, — напоминает Костя. — Ты у папы сто лет не работаешь.

Он пришёл с нами, хотя утром отказывался. Теперь сидит в углу и листает фотографии Сафронова. На одной дядя Серёжа держит Костю на плечах во время корпоративного пикника.

— Правила могут отличаться, — соглашаюсь я. — Поэтому я и не говорю, что договор поддельный. Хочу увидеть, кто

предложил Карпова и почему спешили.

— Может, у них машины ломались. Папа вспомнил нормальную фирму, вот и всё.

Марк записывает и этот вариант. Косте от этого легче не становится: ещё вчера подозрительным был незнакомый свидетель, сегодня рядом с ним уже человек, который дарил сыну подарки.

— Может, — отвечает Марк. — Поэтому одного договора мало.

Я сравниваю даты с протоколом Карпова. Контракт заключён до того, как свидетель официально пришёл в полицию, но после ДТП.

— Кто согласовал?

Помощница Марка увеличивает карточку закупки. Инициатором указано подразделение корпоративной безопасности. Руководитель — Сергей Сафронов. То самое имя звонило Олегу в больнице.

— Я видела его звонок, — говорю я. — В ночь аварии. Олег отклонил при мне, потом наверняка перезвонил.

Костя морщится.

— Дядя Серёжа у папы лет десять. Он мне пропуск на склад оформлял. Не какой-то преступник.

— Мы пока никого так не называем, — Марк распечатывает карточку. — Служба безопасности могла выбирать подрядчика по обычным причинам. Нужны заявки, сравнение цен, переписка по согласованию.

— Но цена выше прежней, — я подвигаю ему старые договоры. — И фирма появилась ровно после аварии.

Марк кладёт рядом календарь. Четыре даты выстраиваются в линию: столкновение, первое обращение Сафронова к компании Карпова, контракт, показания свидетеля.

— Теперь у нас есть причина спросить, почему этому человеку внезапно так повезло.

Глава 14. Я тебя не брошу

— Спросить сегодня? — Я уже тянусь за телефоном.

Марк накрывает экран листом с датами.

— Через ходатайство. Олегу вы вопрос задали, ответ получили. Если продолжите, он успеет предупредить всех раньше запроса.

Пока Марк диктует помощнице перечень документов, я копирую фотографии на флешку. Костя переписывается с отцом. После фамилии Сафронова приходит короткое: «Не позволяй матери втянуть тебя в охоту на людей». Сын показывает мне экран, но телефон не отдаёт.

Утром звонит Воронцова. Андрея Белова снова оперируют; ночью ему стало хуже. На завтра назначены действия с участием Кости и дополнительный опрос.

— А семье можно чем-то помочь? — Сын наклоняется к моему телефону. — Только от меня, не от компании папы.

Воронцова просит пока не связываться с родственниками Белова лично. Позже Марк объясняет, как предложить помощь через больницу, чтобы к ней не прилагались расписки о виновности.

— Человек там второй раз под ножом, а мы слова выбираем, — Костя ходит по кухне и то кладёт телефон, то снова забирает. — Им деньги нужны или нет?

— Наверняка нужны. Но твой отец уже говорит о компен-

сации как о твоём раскаянии. Давай не дадим ему и эту помощь подписать за тебя.

Я обещаю сама узнать в больнице, можно ли оплатить лекарства или расходники без условий. Костя отвечает, что не собирается ждать разрешения вечно, но всё-таки соглашается сначала позвонить Марку.

Костя соглашается перевести часть своих накоплений, потом раздражается, когда я спрашиваю сумму. В итоге сам показывает счёт: деньги, которые копил на первый автомобиль. Мы не переводим их сразу, но записываем его решение. Сыну важно хотя бы что-то сделать для Белова, а не только ждать новостей о том, кем его назовут.

Он просит не рассказывать об этих деньгах Олегу. Боится, что отец превратит и их в подтверждение вины. Я обещаю обсудить перевод только с Марком и впервые вижу, как сын прячет от папы не проступок, а хороший поступок.

Сын слушает по громкой связи и после звонка уходит в ванную. За закрытой дверью шумит вода. Я жду несколько минут, потом стучу.

— Всё нормально, — отзывается он.

Неправда, но дверь я не открываю. Пишу Марку, договариваюсь о встрече и оставляю сыну завтрак. Костя выходит только после того, как чай остывает.

В здании следственного управления Олег ждёт у рамки досмотра. Андрей Павлович разговаривает по телефону в стороне. Муж принёс Косте новые наушники — такие сын

хотел до аварии. Коробка остаётся у него в руках.

— Можно минуту? — спрашивает Олег.

— При адвокате, — отвечаю я.

— Я хочу поговорить с сыном, а не с обвиняемым.

Костя берёт коробку и рассматривает наклейку.

— Мам, пожалуйста. Ты будешь рядом, только не вмешивайся каждую секунду.

Мы садимся в пустом холле. Я выбираю кресло напротив, достаточно близко, чтобы слышать. Марк остаётся возле окна и не притворяется, что не следит.

Олег помогает сыну снять плёнку с коробки. Костя замечает, что цвет не тот, смеётся коротко: хотел серые, а эти почти белые. Муж обещает обменять, и несколько минут они говорят как раньше — о шумоподавлении, телефоне, музыке.

— Пап, — Костя складывает провод обратно. — Белов может умереть?

Олег перестаёт возиться с упаковкой.

— Врачи делают всё возможное. Я оплатил консультацию ещё двух специалистов.

— А если умрёт, что будет со мной?

— Я тебя не брошу.

— Я спросил, что будет.

Муж придвигается, упирается локтями в колени.

— Будет тяжёлое дело. Будут вопросы, экспертизы, возможно, суд. Но рядом окажутся лучшие адвокаты, и я про-

слежу за каждым шагом. Ты правда думаешь, что позволю тебе сесть?

Костя смотрит на Марка. Тот не вмешивается, однако сын видел, как адвокат реагировал на подобные обещания.

— Ты можешь это гарантировать?

— Я твой отец. Я семнадцать лет отвечаю за тебя. Когда тебе удаляли аппендикс, я договорился с хирургом за час. Когда пытались выгнать из лицея из-за драки, ты остался. Я хоть раз сказал «решу» и исчез?

Костя качает головой.

— Вот и сейчас не исчезну. Ты должен только перестать метаться. Вспомнить дорогу так, как она была, а не как маме хочется.

— Мне хочется, чтобы он говорил правду, — произношу я.

Олег даже не поворачивается.

— Полина беременна и напугана. Бабушка не спит. Мама снимает квартиру, бегает к адвокатам, потому что думает, что спасает тебя. Всё может закончиться, если ты перестанешь отрицать очевидное.

— И что мне сказать?

— То, что помнишь. Вы остановились. Ты сел за руль. Решил, что справишься. Ошибся. Такое случается с людьми, Костян. Ошибка не делает тебя плохим.

— Я не помню остановку.

— Потому что ударился. Но Карпов видел. Полина была

рядом. Ты умеешь водить. Сколько ещё людей должно сказать одно и то же, чтобы ты перестал считать себя предателем?

Сын сжимает коробку так, что пластик прогибается. Я встаю, но он просит не вмешиваться.

— А если я скажу, что это был я, Полину не тронут?

— Её ребёнок останется в безопасности. А я займусь тобой. Ты мой сын. Корнеевы своих не бросают.

Олег кладёт ладонь ему на затылок. Костя сидит неподвижно, потом наклоняется вперёд, и на несколько секунд они соприкасаются лбами. Я отворачиваюсь к окну, потому что сын имеет право любить отца даже сейчас.

Марк прерывает встречу. Олег не спорит; главное он уже сказал. Перед уходом касается моего локтя.

— Ты видишь, до чего довела его? Он хочет только, чтобы мы перестали воевать.

— Тогда перестань обвинять его.

— Поздно делать вид, что ничего не случилось.

Весь день Костя отвечает односложно. Дома закрывается с учебниками, но я ни разу не слышу, чтобы он перелистнул страницу. Вечером выношу мусор и замечаю свет под дверью ванной.

— Кость, ты там давно? — Я стучу костяшкой в дверь.

Вода продолжает течь. Замка нет, и я приоткрываю створку ровно настолько, чтобы увидеть сына. Он сидит на краю ванны в носках, локти на коленях. Кран пущен тонкой стру-

ёй, но она не скрывает сорванное дыхание.

— Мам, закрой.

Я захожу и сама поворачиваю вентиль. В тесной ванной сразу делается слишком тихо.

— Зачем? — Костя вытирает лицо рукавом и сердится ещё сильнее, когда ткань намокает. — Всё равно теперь увидела.

Я снимаю полотенце с батареи и протягиваю ему. Рядом не сажусь — устраиваюсь на закрытой крышке стиральной машины.

— Папе не говори, — просит он после долгой паузы.

— Не скажу.

— И Марку. И бабушке. Никому. Они все так уверенно знают, что я крепкий. Если я ещё и разревусь, вообще смешно будет.

— Тебе семнадцать, ты попал в аварию и тебя обвиняет отец. В этом месте плач не самая странная реакция.

Костя промокает щёки полотенцем и прячет лицо в махре.

— Полина слабая, потому что беременная. Бабушка слабая, потому что переживает. Ты имеешь право злиться. Папа должен всех спасти. А я у них один могу выдержать, да?

— Нет. И если не выдерживаешь, это не делает тебя виноватым.

Он возвращает полотенце и просит закрыть дверь с другой стороны. Я выхожу. Через минуту щёлкает замок, но воду Костя больше не включает.

Утром меня будит запах горелого хлеба. Сын уже одет и ножом соскребает чёрный слой с тоста прямо в раковину.

— Выкинь, новый сделаю.

— Не надо. Я не голодный. Едем во сколько?

Марк приезжает на десять минут раньше. Увидев Костю с белыми наушниками на шее, он не здоровается привычным кивком — останавливается в прихожей.

— Ты решил что-то поменять?

Костя берёт рюкзак. Лямка перекручена, но он несколько раз отказывается от моей помощи, пока наконец не расправляет сам.

— Я всё вспомнил.

Марк смотрит на меня. Вчерашнюю ванную он знать не может, однако ответ считывает с моего лица: это неправда.

Глава 15. За рулём был я

— Тогда расскажи мне первому, — Марк снимает пальто, но не проходит дальше прихожей. — Без мамы, если тебе так легче.

Костя смотрит на меня. Я отступаю к кухне, показывая, что не стану подслушивать, хотя квартира настолько маленькая, что для настоящего уединения Марку приходится увести его на лестничную площадку.

Они возвращаются через десять минут. Сын бледный, губы искусаны. Марк держит пальто на сгибе руки и сразу говорит:

— Я запросил перенос опроса. Нам нужен дополнительный разговор.

— Я уже решил, — Костя натягивает куртку. — Не хочу больше переносить.

В машине он садится назад и надевает наушники. Музыка не играет — провод болтается свободно, — но притвориться отгороженным проще, чем снова отвечать.

Перед кабинетом Воронцовой Марк требует официальный перерыв. Следователь недовольна: вызваны специалисты, подготовлены документы, Костя сам заявил о готовности. Всё же отдаёт нам маленькую комнату с металлическим шкафом и тремя стульями.

— Никто тебя не может заставить менять версию сегодня,

— начинает Марк. — Вчера ты говорил, что Полина была водителем. Сейчас собираешься сказать обратное. Любое следующее изменение будут сравнивать именно с этим признанием.

— Но я могу потом вспомнить ещё?

— Можешь. Только следствие спросит, почему сегодняшняя память вернее вчерашней. Если расскажешь придуманную остановку в деталях, эти детали тоже придётся опровергать.

Костя застёгивает и расстёгивает молнию на кармане.

— Папа сказал, вы всё равно сможете доказать, что наказание должно быть мягким.

— Я не обсуждаю с тобой мягкость за поступок, которого, по твоим прежним словам, ты не совершал. И не могу гарантировать результат. Особенно если Белов не выживет.

— Он жив сейчас.

— Сейчас — да.

Я сажусь напротив сына.

— Кость, посмотри на меня. Ты правда вспомнил, как пересаживался?

Он не поднимает глаз.

— Я хочу, чтобы всё перестало зависеть от того, кому вы верите.

— После признания оно будет зависеть от него ещё больше.

— Зато папа займётся делом и перестанет воевать. Бабуш-

ка уедет спокойно. Полину не закроют. Ты сможешь работать и не искать фургоны по ночам.

Марк пододвигает ему лист с напечатанными правами, но Костя отталкивает.

— Мне семнадцать. Я могу сам решить.

— Можешь, — отвечает адвокат. — Моя обязанность — убедиться, что решение не основано на обещании отца о том, чего он не контролирует. Я не вложу тебе в рот другую историю и не удержу силой. Но подпись поставишь только после того, как прочитаешь каждую страницу.

Костя встаёт. Стул скребёт ножкой по полу.

— Тогда пойдёмте.

Опрос начинается через пятнадцать минут. За столом сидят Воронцова, специалист по делам несовершеннолетних, Марк и Костя. Мне разрешают присутствовать, но предупреждают не отвечать за сына.

Воронцова включает запись и просит его рассказать поездку от офиса.

— Сначала вела Полина, — говорит Костя. Голос дрожит только на её имени. — После заправки я попросил дать машину. Мы остановились в кармане.

— Почему захотели управлять автомобилем на дороге без права управления?

Сын повторяет Олеговы слова: учится, умеет, хотел попробовать до дома. Я узнаю даже порядок. Полина будто сомневалась, потом согласилась. Костя сел слева, пристегнул-

ся, поехал. Дождь усилился. На обгоне ошибся.

— Где находилась Соколова в момент столкновения?

— Справа.

— Разговаривала ли она по телефону?

Костя медлит. В сочинённой версии Полина должна говорить с Олегом с пассажирского места. Сын кивает и добавляет: через автомобильную систему.

Воронцова спрашивает, почему раньше он называл водителем Полину.

— Ударился головой. Помнил, как она выезжала, а дальше перепутал.

— Кто помог вам восстановить события?

Костя впервые смотрит на дверь. За матовым стеклом виден силуэт Олега.

— Никто. Сам вспомнил.

Я сжимаю пальцы под столом. Хочется остановить запись, назвать мужа, рассказать про бабушку, ванную, белые наушники. Марк предупреждал: если Костя решил говорить, мы не можем перебивать каждую фразу и создавать впечатление, что мать запрещает признаться.

Следователь уточняет детали остановки. Как стояла машина? Кто вышел первым? Куда Костя положил рюкзак? На этих вопросах история начинает трещать. Сын то говорит, что они обходили автомобиль снаружи, то что пересели через салон из-за дождя. Воронцова возвращается к несостыковке.

— Я не помню, — Костя наконец злится. — Я же головой ударился.

Марк просит сделать отметку о состоянии после травмы и не принуждать подростка угадывать. Воронцова соглашается, затем задаёт главный вопрос:

— Кто находился за рулём автомобиля в момент столкновения?

Сын молчит. На записи тянутся секунды, слышно, как гудит лампа. Я забываю предупреждение и тихо прошу:

— Кость, посмотри на меня.

Он не может. Смотрит на собственные руки, лежащие возле протокола.

— Я.

Воронцова завершает вопросы и отдаёт текст на чтение. Марк медленно проходит с Костей каждую страницу, отмечает неточности, добивается исправления формулировки, будто сын «уверенно восстановил» события. Я надеюсь, что за это время он передумает.

Костя берёт ручку. На первой странице подпись получается кривой, на второй уже обычной. После последней он кладёт ручку точно вдоль края стола, как делает Олег.

Я запоминаю время на настенных часах — десять сорок девять. Почему-то кажется важным знать минуту, в которую сын перестал защищать собственную правду и доверил последствия отцу.

В дверь стучат. Воронцову вызывают в коридор. Она воз-

вращается через несколько минут без папки, лицо изменилось.

— Поступила информация из больницы, — говорит следователь. — Андрей Михайлович Белов скончался.

Костя смотрит на неё, не понимая.

— Только что?

— В десять сорок семь.

Сын переводит глаза на часы. Признание подписано в десять сорок девять.

— Но… он же был жив.

Воронцова выключает запись и просит специалиста остаться. Марк сразу требует конфиденциальный разговор с подзащитным. Нам снова отдают маленькую комнату.

Костя не садится. Он ходит от шкафа к окну, хотя между ними всего три шага.

— Что теперь?

— Теперь последствия намного тяжелее, — отвечает Марк. — Гибель человека меняет квалификацию. Отсутствие права управления тоже будет учитываться. Я не называю срок и не обещаю исход, пока не увижу процессуальные решения, но реальность совсем не похожа на ту, которую тебе описывал отец.

— Папа сказал, несовершеннолетнему не дадут настоящее… что всё будет условно.

— Он не может это знать. Не мог и вчера.

Костя подходит к двери. Через стекло Олег ждёт в кори-

доре, разговаривая с Андреем Павловичем. Будто чувствует взгляд, поворачивается к нам. Сын прижимает ладонь к холодному стеклу.

Олег едва заметно кивает ему: держи версию.

Глава 16. Зачем ты это сделал?

Я отхожу от двери первой, чтобы не броситься в коридор. Если сейчас закричу на Олега, Костя услышит только подтверждение: мать снова начала войну, из-за которой он и решил оговорить себя.

— Почему? — спрашиваю я сына.

Он всё ещё смотрит через стекло. Олег уже отвернулся, продолжает говорить с адвокатом.

— Я сказал на опросе.

— На опросе ты рассказал историю отца. Я спрашиваю, зачем ты согласился её повторить.

Костя отступает к шкафу и садится прямо на край подоконника.

— Потому что он обещал. Папа всегда решал. Когда меня из лиц

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.